

В. Кормилицын

ДЕРЖАВА

16+

Валерий Кормилицын
Держава том 1

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кормилицын В. А.

Держава том 1 / В. А. Кормилицын — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Первый том исторического романа "Держава" повествует о периоде развития России со времени ухода из жизни осенью 1894 года императора Александра Третьего и восшествия на престол его сына Николая Второго, и до 1902 года. Показана жизнь дворянской семьи Рубановых: Максима Акимовича и его жены - Ирины Аркадьевны, а также их сыновей Акима и Глеба. Описана их учёба в гимназии и военном училище. Помимо вымышленных героев в романе показаны реальные исторические личности: Николай Второй, Сипягин и другие. Перед читателем проходят образы либералов, которые считали, что "в России должно быть - как на Западе". И их антиподов, убеждённых, что "в России должно быть - как в России". Либералы называли их ретроgrадами, но они просто любили родину и не хотели краха страны.

© Кормилицын В. А., 2014

© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Огромный барский дом гордо стоял неподалёку от склона горы, плавно опускавшейся к Волге.

У реки, в небольшой, местами обвалившейся каменной беседке, сидели два мальчика. На коленях одного из них, смуглолицего и черноволосого, лежал томик Батюшкова. Другой колотил палкой по воде, и с завистью поглядывал на курносого рыжего деревенского паренька в просмолённой лодке, который, то гордо хватался за вёсла, то, неумело скрывая испуг, вычерпывал из своего «крейсера» холодную осеннюю воду.

– Акимка, – обратился к черноволосому мальчику его брат, запустив свою палку, наподобие копья, в сторону терпящего бедствие моряка, – а вон за нами гуверняха идёт.

Насмешливые голубые глаза его окинули чуть полноватую фигуру брата и остановились на смуглом мечтательном лице.

Со вздохом захлопнув книгу, тот глянул в сторону лестницы, с кое-где выщербленными ступенями, на спускающуюся молодую женщину с зонтом над головой, и высунул руку из беседки ладонью вверх.

– Кажется, дождь пошёл, – произнёс он, любуясь жёлтой листвой деревьев, покрывающих склон горы от реки и до самой вершины.

– Господа! Маменька зовёт! – неожиданно сильным для такой худой особы голосом закричала гувернантка по-французски, ленись спускаться до самой беседки.

Черноволосый с готовностью поднялся с каменной скамьи, уронив небольшую подушечку, на которой до этого сидел.

Брат его даже ухом не повёл, заинтересованно наблюдая за гибнущим матросом, с остервенением гребущим к берегу, и прикидывая, успеет ли тот причалить, или вода зальёт деревянную посудину.

– Маменька зовё-ё-т! – вновь завопила женщина, поскользнувшись на ступеньках, и со страхом ухватившись за мокрые металлические перила. Зонт её весело закувыркался по лестнице.

– Чего-о? – дурачась, приложил к уху ладонь светловолосый, с сожалением отвернувшись от удачно причалившего сопливого капитана.

– Глеб, хватит чудить! – одёрнул его брат, выходя из беседки и намереваясь поднять докатившийся до самой воды зонт.

– Чур, я, – помчался вниз по лестнице, пнув по пути упавшую подушку, но разломать зонт не успел, так как Аким первым подхватил его.

– Давай понесу, – безнадёжно предложил свои услуги Глеб, с уверенностью догадываясь, что зонта ему не видать.

– Дитё! – подражая няне, снисходительно произнёс Аким, придерживая под мышкой книгу, и отдуваясь, после крутого подъёма.

– Ой, Госпидя! – тоже копируя няню, взмахнул руками Глеб. – Нашёлся взрослый. Всего-то на два года старше. Зато я в свои десять лет, ростом почти с тебя, – показав язык для усиления аргументации, помчался к дому по выложенной камнем дорожке между желтеющих стриженной травой газонов с кругами вскопанных клумб.

Покачав головой, Аким не спеша побрёл к дому, зачем-то подмигнув стоявшему посреди пустого уже цветника, под огромной корявой акацией, бронзовому конногвардейцу, и поднявшись по каменным ступеням широкого крыльца, с трудом открыл солидную дубовую дверь с истёртой старинной медной ручкой.

Пожилой швейцар насмешливо взирал на него, перевесившись с перил лестницы, ведущей на второй этаж.

Переодевшись и умывшись, мальчики чинно вошли в большую залу, служившую гостиной, где на мягком просторном диване расположилась их матушка, курившая пахучую папи-

росу в длинном мундштуке. Её аккуратно и со вкусом уложенная причёска из тёмных роскошных волос, была перехвачена ниткой жемчуга. Карие глаза с любовью смотрели на сыновей, а рука с папиросой чуть дрогнула в сторону кресел с отлогими мягкими спинками, предлагая садиться.

– Как погуляли? – нежным, с чуть заметной хрипотцой, голосом поинтересовалась у ребят, лаская взглядом то одного, то другого мальчика. – А я всё утро делала прощальные визиты соседям, спасибо до дождя успела, – не слушая ответ, произнесла она, – правда, всего-то двух своих подруг и навестила, – рассеянно улыбнулась, затушив папиросу в пепельнице. – Как себя чувствуете? – легко поднявшись с дивана, поочередно потрогала их лбы. – Слава Богу, выздоровели. Доктор говорит, что всё нормально. А то ведь занятия пропускаете и в кадетском корпусе, – глянула в сторону светловолосого, – и в гимназии, – погладила по голове темноволосого сына. – Завтра едем в церковь, а послезавтра – в Петербург, – радостно произнесла женщина, чуть не захлопав в ладоши, – а то от скуки умрёшь в этой Рубановке. Идите в столовую и скажите, что скоро буду, – отпустила детей.

Отдохнув после обеда, братья занимались с гувернанткой сначала французским, а затем, на французском же языке, мадемуазель Камилла, звучным своим голосом, обучала барчуков светским приличиям:

– Вот, господа, свод законов светского человека, – потрясла она толстым фолиантом в жёстком переплёте. – Этот труд Клеопатры Светозарская, – торжественно произнесла мадемуазель Камилла имя и фамилию своего кумира, – посвятила юношеству и развитию в молодых людях благовоспитанности, светского этикета и вежливости. И не стоит брать пример с личностей, получивших, благодаря романисту Тургеневу, кличку нигилистов. По их понятиям, быть деликатным и вежливым в отношении ближнего, значит соблюдать китайские церемонии, – подняла свой голос до верхних пределов, строго глядя на светловолосого отрока, с упоением ковыряющего в носу. – Месье! – патетически воскликнула она по-русски. – Нынче мы, к горю нашему, видим между молодыми людьми таких, – указала пальцем на Глеба, – манеры коих до того грубы, что производят отвращение...

– А у мадам Клёпы Светозарской не написано, что показывать пальцем неэтично? – насмешливо глянул на гувернантку Глеб.

Оскорбившись то ли за своего кумира, то ли за себя лично, мадемуазель Камилла громко захлопнула книгу и, к радости младшего из братьев, вышла из комнаты, пушечно бахнув дверью.

– Дитё-ё-ё! – всплеснул руками старший, тоже, однако, не сильно расстроившись из-за ухода гувернантки.

После занятий Глеб помчался в конюшню, помогать конюху чистить лошадей, а Аким пошёл гулять по парку, раскинувшемуся за домом.

«Отец рассказывал, что когда-то, в старые времена, в саду было полно акаций. Теперь-то осталась только одна, у памятника конногвардейцу», – не спеша шёл по широкой, очищенной от жёлтых листьев тополиной аллее. – Как славно пахнет прелый лист, – свернул с аллеи на узкую, поросшую высохшей травой тропинку. – И слабый запах печного дыма, вперемешку с запахом скошенного поля и реки, – залюбовался овалом беседки на шести круглых колоннах, стоявшей на берегу заросшего ряской небольшого пруда. – В точь такая же беседка, с двумя дамами в старинных кринолинах, изображена на гравюре в матушкиной комнате», – вспомнил он, усаживаясь на холодный камень скамьи.

Вечерело. Шумели кроны деревьев. Шарахаясь из стороны в сторону, пролетела летучая мышь, всплеснулась вода в пруду.

«Может водяной или русалка? – стало жутко и сладко от этой мысли. – Ну конечно, русалка... А может это карамзиновская Лиза, которая бросилась в пруд от несчастной любви к

Эрасту? Как там писали светские остряки: «Здесь в воду бросилась Эрастова невеста, топиться девушки, в пруду довольно места...» – внутренне усмехнулся Аким.

Откуда-то издалека, с затихшей реки, донеслись голоса. На лугу, за парком, блеснул огонёк. Кто-то жёг костёр. Озноб пробежал по спине, и Аким зябко передёрнул плечами, поднимаясь с холодного камня.

Медленно, спотыкаясь о невидимые кочки, побрёл к обрыву, чтобы полюбоваться перед сном широким простором реки. Другой берег скрывался во мгле. Почти совсем стемнело и Аким, стоя на краю обрыва, представил себя птицей, парящей над спящим миром, над землёй, и сердце его замерло от счастья высоты и бездонности вселенной.

Он вздрогнул, услышав голос мадам Камиллы, зовущей его, и опустился из горних высей на бrenную землю.

«Матушка, наверное, беспокоится», – заволновался Аким, выходя на тропинку, ведущую к усадьбе.

Выслушав по пути упрёки гувернантки, и извинившись дома перед матушкой, он расположился в мягком «вольтеровском» кресле и наслаждался теплом из камина и звуками вальса, что, сидя при двух свечах за роялем, наигрывала матушка, тоскуя о чём-то своём, далёком и непонятном.

В Петербург не хотелось.

В хаос города. В суету общения. В нудность учёбы. В однообразие будней.

Как мило в Рубановке.

С её рекой, с её парком, с её лугом и лесом, с её уютным домом, с книгами, со сказками няни, с роялем матушки, и даже с шалостями братца, что кувыркается на ковре с двумя весёлыми борзыми.

«Как хорошо!» – потянулся он в кресле, мечтательно глядя в огонь камина.

А вечером, отужинав, попрощался с домом, бродя со свечой по анфиладам комнат и разглядывая гравюры на стенах, иконы в золотых ризах по углам, тяжёлые дедовские комоды и лёгкие, покрытые китайским чёрным лаком этажерки, старинные, с деревянными выгнутыми спинками, жёсткие кожаные диваны, и вдыхал тягучий и пряный запах старины в одних комнатах, и мнящийся запах духов, пудры, веселья и музыки – в других.

Возвращаясь в спальную, до смерти напугал спящего на ларе, у двери в подвал, старичка-лакея.

«Как бы брата не напугать», – тихо вошёл в комнату, задув свечу, Аким. И прежде чем уснуть, долго, с замиранием сердца, вслушивался в громкую тишину сонного дома.

Вот где-то скрипнула дверь, что-то ухнуло на крыше, задребезжало стекло от порыва ветра, неожиданно все звуки перебило тиканье напольных часов и последнее, что врезалось перед сном в память – это мирное посапывание брата на соседней кровати.

Утром Аким проснулся от солнечных лучей, ласкающих лицо и весело играющих на циферблате старинных часов, стоящих на столе.

«Глебка, наверное, шторы раскрыл, – глянул на пустую постель брата, и громко чихнул, перекрестившись на икону в углу. Круглые часы, на противоположной от кровати стене, пробили десять. – Сегодня же в церковь едем», – подбежал к окну Аким и увидел одетого уже брата и похмельного кучера, с соломой в длинных всклокоченных волосах.

Ёжась от утренней свежести и чего-то недовольно бурча, тот выводил из конюшни серую в яблоках лошадь, которая, танцуя и взмахивая головой, нехотя переступала через высокий деревянный, вымазанный грязью, порог. Другая лошадь стояла рядом с коляской и нюхала рассыпанное под ногами сено, не обращая внимания на хлопающего ладонью по её боку Глеба.

Услышав стук в дверь и голос горничной:

– Барин, пора вставать, – Аким кинулся отыскивать одежду, разбросанную вчера вечером по комнате. Один сапог никак не мог отыскать.

«Ну, Глебка, попадёт тебе от меня», – не успел подумать Аким, как увидел под кроватью подошву утерянной обуви.

Попив чаю, мать с сыновьями и гувернанткой тряслись в ландо – четырёхместной коляске, по вымощенной камнем дороге, выезжая из усадьбы.

Братья сидели спиной к кучеру и делали вид, что слушают нравоучительную болтовню мадемуазель Камиллы, слава богу, на русском языке, вещающую о том, что на предложение хозяина или хозяйки войти первому в экипаж, должно соглашаться, не заставляя себя ждать.

– Садиться в экипаж следует осмотрительно, не торопясь, и в особенности этот совет относится к дамам, которые, при излишней торопливости, могут легко запутаться в длинном платье, и не только поставить тем себя в смешное положение, но, что ещё хуже, повредить ногу.

При этом вещунья глядела не на ребят, а на барыню, чем её и возмутила.

– Меня, милочка, не надо учить, – воскликнула Ирина Аркадьевна, – я ещё в Смольном институте эту науку прошла, – гордо отвернула голову в сторону полей, раскинувшихся по обе стороны от дороги и далёкой темноты леса.

Глеб захихикал, наслаждаясь оправданиями гувернантки перед матушкой, а Аким всматривался в кирпичную арку над воротами с двумя выбитыми цифрами – единицей и семёркой, и полустёртой буквой «Г».

«Чего обозначают эти цифры?» – стал размышлять он.

Коляска весело шелестела резиновыми шинами по неглубокой грязи деревенской дороги. Не прошло и получаса, как экипаж подъехал к церковной ограде.

Покрестившись на три сверкающих позолотой купола, семья пошла к церкви, одаривая по пути нищих и калек.

Последним шёл Глеб. Выданную матушкой мелочь он ссыпал в карман, а нищих и калек одаривал в основном видом своего красного языка. Те тоже не оставались в долгу – метко плевались, стараясь угодить ему на сапоги.

В церкви было прохладно, сумрачно, торжественно и тихо. Чуть слышно потрескивали свечи. Старенький батюшка стоял около аналоя и сосредоточенно и монотонно бормотал молитву, временами осеняя себя крестным знаменем. Несколько старушек в платочках мелко крестились, повторяя за батюшкой: «Во имя Отца и Сына...».

Акиму молился перед иконой Божьей Матушки, удивительно похожей на его прапрабабушку, чей портрет висел в доме. Крестился и кланялся Николаю Угоднику, с трепетным любопытством любясь росписью стен, где неизвестный художник изобразил Рождество Иоанна Предтечи и Спасово Пречистое Рождество.

Он молился, вслушиваясь в почти незнакомый, но такой родной и прекрасный славянский язык, на котором вёл службу священник, и неожиданно слёзы затуманили ему глаза.

А потом мать повела их в склеп, где покоились его с братом предки.

Поставив свечу, он прочёл надпись на граните:

Капитан Максим Акимович Рубанов.

1793 – 1832.

Его прадед. Как он жил? О чём мечтал? В семье ходило много легенд и преданий о нём.

А вот его дед:

Генерал-лейтенант Акиму Максимович Рубанов.

1817 – 1881.

Акиму не видел его. Он родился на следующий год после смерти деда.

Даже Глеб в кругу далёких пращуров заметно оробел и несмело крестился, кланяясь каждому из своих предков.

После церкви матушка велела кучеру везти их к рубановскому старосте.

На этот раз ехали молча. Мадемуазель Камилла сидела тихо и нравоучительных бесед не вела.

По дурной привычке всех кучеров, ямщиков и других работников гужевого транспорта, перед въездом в Рубановку, дабы произвести положительное впечатление на аборигенов, похмельный кучер стеганул лошадей, что-то дико заорал нечеловеческим голосом, и лихо пронёсся мимо торговой лавки, обдав пылью недовольных покупателей и взбаломутив дремавших собак. Затем, выкатив глаза, попытался осадить тройку у кабака, но тоскливо вздохнул, вспомнив, что на работе, и ещё сильнее взревев, горестно промчался мимо питейно-закусочного заведения, остановив взмыленных лошадей перед двухэтажным кирпичным домом старосты под блестящей жестяной крышей, увенчанной ещё более блестящим здоровенным медным петухом.

В ту же минуту, словно по волшебству, из не успевшей осесть пыли, вынырнул маленький рыжий мужичок в голубой ситцевой рубахе навыпуск и в расстёгнутой жилетке с золотой цепочкой от часов на выпуклом животике. Умильно улыбаясь, он что-то говорил барыне, закрывшей нос платочком.

Когда пыль немного улеглась, Ирина Аркадьевна легко вынесла из коляски своё чуть полноватое тело, одетое во всё тёмное, и протянула старосте руку, к которой тот подобострастно припал.

– Ах, Ирина Аркадьевна, – сюсюкал староста, – а мы вот враз опосля Воздвиженья капустку, значит, рубим, – возникал он то спереди, то сзади, то с боков своей госпожи.

– Я уже головой устала крутить. Иди с одной стороны, – сделала старосте выговор.

– Сию минут, – пристроился тот по правую руку.

Весь просторный двор был заставлен возами с капустой. В углу двора, вычислив направление ветра, чтоб сносил дым к соседям, двое работников парили пузатые кадки. Один споро наливал в бочку ведро с кипятком, другой бросал раскалённую металлическую пластину, и оба дружно накрывали бочку рогожей.

Глеб с завистью глядел на мужиков.

«Каким интересным делом люди занимаются», – почесал он щёку.

Аким же рассматривал женщин, дружно обрабатывающих острыми сечками сочные кочаны над длинным деревянным корытом.

– Бабы, – шмель отлетел от барыни староста, – мельчай теши, домой не спеши. Всем в подарок ленты будут, – повёл помещицу в дом, отчитаться в доходах за отданную мужикам в аренду землю.

Ребята с гувернанткой остались на улице.

Мадемуазель Камилла брезгливо морщилась, слушая острые, как сечки, женские шутки и заразительный смех.

Барчуки взрослого юмора пока не понимали, и пошли к двум пацанам примерно их возраста, трескающим одну за другой хрустящие кочерыжки.

Одна из женщин, обтерев о фартук руки, протянула по кочерыжке юным господам.

– Как зовут? – хрустя сочным подарком, поинтересовался Глеб у невысокого рыженького паренька. – А-а-а! – узнал он недавно тонувшего моряка. – Это не в твой корабль капусту рубят? Чего молчишь?

– Васятка, – шмыгнув курносый носом, с обидой произнёс паренёк.

– Васятка, станцуй вприсядку, – презрительно отошёл от него Глеб.

Обратно ехали тихим шагом, так как барыня, ткнув предварительно кучера зонтом в спину, укоризненно сказала:

– Ты, Ефимка, так не гони, не на ипподроме находишься.

«Госпожа, а как матюжится», – изумился кучер, и всю дальнейшую дорогу размышлял, на ком же это он, по разумению барыни, находится.

Вечером Аким снова стоял перед портретами своих прашуров, и с грустью убеждался, что ни на одного из них не похож.

«Все они светловолосы, а я волосом чёрен, и глаза у них голубые, а у меня тёмные. Вот Глеб в них, – позавидовал брату, – а я в матушку...».

Но грусть эта была недолгой. Всё равно они его предки. И он тоже Рубанов, к тому же – первенец, и носит имя Аким, а не какое-то там – Глеб.

И опять уютно тикали напольные часы, матушка играла на рояле. Горел камин. Брат возился с собаками. И когда одна из борзых подошла к креслу, где сидел Аким, и дружелюбно потёрлась о ногу, он вдруг понял, что вот оно – счастье, и с трудом удержал слёзы, повернувшись к стене и разглядывая блики огня на ней.

Всю свою жизнь будет он вспоминать тепло и уют домашнего очага...

Утром их разбудили рано.

По крыше барабанил дождь, и Акиму так не хотелось выходить в сырость улицы.

Глеб же, напротив, с нетерпением ожидал отъезда, приготовившись к нему ещё со вчерашнего вечера. Он был счастлив, что ехать в ландо придётся до самого уездного города, а оттуда, по железной дороге, до Петербурга.

– Ирина Аркадьевна велели одеваться теплее, – проверяла, застёгнуты ли все пуговицы на их пальто, гувернантка.

Перед парадным подъездом выстроились в ряд четыре экипажа. В один грузились вещи, в другой, весело толкаясь, две горничных. Швейцар и старичок-лакей в третьем. В напоминающем карету ландо с кожаным верхом, провожаемые нянкой и оставшейся прислугой, помолвившись перед дорогой, разместились господа с гувернанткой.

Дождь разошёлся не на шутку.

– Это к добру! – кричала вслед старая нянька, прощально взмахивая рукой, а другой, стирая с морщинистого лица слёзы и капли дождя.

Ехали медленно, разбрызгивая колёсами грязь. Хмурые, серые тучи висели низко над землёй.

Рубановка встретила их унылыми от дождя домами, почерневшими мокрыми плетнями и выглядывающим из-под плаща старостой, стоявшим возле своего дома, на краю грязной дороги. Двумя руками он вцепился в плащ и, прощаясь, по-лошадиному тряс головой, развесялив этим Глеба до коликов в животе.

Аким же наблюдал за одиноким прохожим, пересекавшим дорогу. Поскользнувшись, и не успев зацепиться рукой за плетень, тот грохнулся в жидкую грязь колеи.

«Спасибо, Глеб не увидел, – подумал Аким, – а то ржал бы до самого Петербурга».

Вскоре проехали Рубановку, протарахтели по расшатанному мостику, отделяющему рубановские надельды от чернавских, и покатали дальше, провожаемые каплями дождя и криками галок на пашне.

Было печально и пусто.

Люди попрятались от непогоды в тёплые дома. Лишь изредка попадались лошади, со спутанными передними ногами, да грязные телята, привязанные длинной верёвкой к колышку и щипавшие травку на зеленях.

Подъезжая к уездному городу, на пересечении дорог у полосатого верстового столба, чуть не столкнулись со встречной двухместной коляской, из которой выпорхнула молодая особа, долго обнимавшая и целовавшая Ирину Аркадьевну.

Всю дальнейшую дорогу до самой станции, подняв вуальку, барыня прикладывала батистовый платочек к влажным глазам.

Станция была небольшая и мокрая.

На запасном пути, у насыпи с бревном, выполняющим роль шлагбаума, стоял разбитый товарный вагон. Дождь кончился и словно по команде из вагона вылетели куры во главе с цветастым петухом, и стали что-то выискивать рядом с рельсами. Иногда петух, обнаружив, на его взгляд, прекрасное стёклышко или сочного красного червяка, громко кудахтал, созывая клушек, и плотоядно склёвывал находку на их глазах, когда те слишком близко подбегали. Разочарованные клуши тоскливо расходились в разные стороны, ругая

на курином языке своего повелителя, но через некоторое время, растопырив для скорости крылья, вновь мчались на его зов, чтобы с тоской понаблюдать, как их господин проглотит очередную вкуснятину.

Глеб с интересом наблюдал за куриной жизнью, восторженно улыбаясь, когда петух, разозлившись на одну из своих жён, набрасывался на неё, хватал за гребень и давал ей взбучку.

– Вот так командира не слушаться! – обращался он к мадемуазель Камилле, на что та краснела, стыдливо отводя глаза в сторону.

Акима пернатые не интересовали. Он наблюдал за жандармом в тугом синем мундире, а тот, в свою очередь, заинтересованно следил за их гувернанткой. И когда мадемуазель Камилла отворачивалась от петуха в сторону жандарма, он молодцевато выпячивал грудь, важно хлопал по кобуре и мечтал, чтобы кто-нибудь нарушил порядок.

Но к его сожалению, кроме петуха, все соблюдали приличия и законность.

Ирина Аркадьевна, возглавляя свиту, состоящую из двух горничных и швейцара, направилась к зданию вокзала за билетами, оставив старичка-лакея сторожить вещи.

Удобно подрёмывая на огромном бауле, он встряхивался, когда гремя шпорами и заложив руки за спину, рядом шествовал жандарм.

«Ишь, растопался, сукин кот, – деля вид, что дремлет, следил за ним старичок, – чичас только отвернись, враз чего-нибудь слямзит, сельдь околотошная».

Где-то вдали раздался приглушённый гудок паровоза и в ту же минуту ребята увидели, как из здания вокзала показалась их матушка во главе своей свиты.

Жандарм на всякий случай вытянулся и отдал ей честь.

Свита кинулась к вещам, уронив с баула старичка-лакея, но Глеб этого не видел.

«Не везёт сегодня парню», – пожалел его брат, наблюдая, как старичок-лакей, подпрыгивая от азарта, чего-то объясняет улыбающемуся толстозадому швейцару.

Ещё раз прогудев, из-за поворота появился паровоз, таща за собой хвост разноцветных вагонов.

Свита, распределив кому что тащить, толпилась вдоль платформы. Ехать им предстояло во втором классе.

Барыня с детьми и гувернанткой разместились в вагоне первого класса.

Швейцар, принёсший в купе корзинки и пакеты с пирожками, жареными курами и прочей снедью, объяснял гувернантке, что надо есть в первую очередь, а что может и полежать.

Братья, сидя у окна по обеим сторонам столика, наблюдали, как поддерживая друг друга, на платформе появились затрапезно одетый сторож в выдавшей виды кепке, и начальник вокзала в фуражке и железнодорожной форме.

Расцепившись и лязгнув зубами, они разошлись в разные стороны.

Сторож, вытянув руки вперёд и пошатываясь, пошёл ловить колокол, а его начальник начал шарить по карманам нащупывая свисток.

Жандарм неодобрительно хмурился на друзей, а потом отвернулся в сторону города.

Больше из этого Богом забытого городишки никто не уезжал. Платформа была пуста.

Наконец сторож добрался до колокола, и чуть не сорвав его, дёрнул за верёвочку с грузом.

Раздавшийся звук его явно не удовлетворил. Почертыхавшись, он снял кепку, и снова дёрнул за верёвку. На этот раз колокол блямкнул громче.

Начальник, наконец, нашёл свой свисток, и они вместе сним стали искать рот, попадая всё больше в нос или щёки.

Сторож, в сердцах бросив кепчонку на брусчатку платформы, яростно топтал её, справедливо полагая, что во всём виноват головной убор. После проделанных физических упражнений он взбодрился, крепкой уже рукой взялся за верёвку и платформу потряс громкий удар колокола. Блаженная улыбка осветила его помятое лицо.

В это время свисток нашёл рот, и начальник вокзала задрезжал губами, разбрызгивая слюну. Сосредоточившись, он произвёл вторую попытку, издав такой разбойный свист, что жандарм вздрогнул и схватился за кобуру.

Чуть потише свистка загудел паровоз, и состав тронулся.

Аким открыл дверь купе и подбежал к другому окну, успев заметить, как из товарняка выглядывает петух, намереваясь выпрыгнуть и показать своей своре баб, какой у него прекрасный аппетит.

Россия пила и работала, смеялась и плакала, веселилась и горевала, а в Ливадии умирал русский царь...

Лучший из русских царей.

Поверженный гигант сидел в кресле на террасе Малого дворца и тяжело вдыхал тёплый воздух, пахнувший то морем, то виноградом.

Утешая душу, в синей дали моря, бороздил воду тяжёлый броненосец «Двенадцать Апостолов».

«Славно! – морщась от боли, думал император. – Мы восстановили Черноморский флот и поставили Россию в один ряд с мировыми флотами. Верфи Петербурга и Николаева спустили на воду сто четырнадцать новых военных судов и среди них семнадцать таких вот ладных игрушечек», – гордо окинул взглядом «Двенадцать Апостолов», который нещадно дымя, проплыл перед царскими очами.

Император жадно втянул воздух носом, с удовольствием ощущая запах плохо перегоревших углей.

«Эх! Мать его в якорь ети! Сейчас бы туда!» – с завистью глянул вслед броненосцу.

Ему льстило, что весь боцманат флота российского учился витиеватому морскому мату у своего государя.

«Поначалу-то боцманки краснели, – улыбнулся он, – но затем пообвыкли. На флоте даже ходило выражение: «Обложить по-александровски». Славно! Всё было славно... Но жаль, что БЫЛО!!! – заворочался на показавшемся неудобном, мягком кресле. – Сейчас бы на корабль!»

– Сашка, врача позвать? – отвлекла мужа от раздумий Мария Фёдоровна.

– Нет, не надо, – отрицательно покачал головой, с любовью окидывая взглядом невысокую фигурку жены, заботливо поправлявшую плед в его ногах.

По характеру император был мирным, семейным, простым человеком, очень религиозным и справедливым.

Лучшим другом его и собутыльником являлся начальник охраны Пётр Черевин.

– Лучше Петьку позови, – улыбнулся жене.

– Не нужен тебе никакой Петька, – поцеловала в лоб мужа, окатив его волной духов, персиков и женщины.

«Не хуже углей запах», – мысленно улыбнулся он, а в слух сказал:

– Я люблю тебя, – и с трудом выпростав из-под пледа похудевшую свою руку, когда-то запросто сгибавшую серебряный рубль, а теперь беспомощную и слабую, нежно взял маленькую, но крепкую ладошку жены.

Императрица всхлипнула, но быстро поборолась, проглотив спазм в горле и нагнувшись, коснулась губами такой родной, некогда мощной, и в то же время нежной и ласковой ладони мужа, вспомнив, как однажды за обедом, австрийский посол отговаривал русского императора помогать Болгарии.

– А то Австрия может мобилизовать три армейских корпуса, – произнёс посол и глаза его в страхе замерли на руках Александра, без напряжения намотавшего на палец серебряную вилку.

– Вот что я сделаю с вашими корпусами.

Разумеется, ничего мобилизовывать австрийцы не стали.

Белев принести второе кресло, Мария Фёдоровна расположилась рядом, положив на колени вязание, дабы успокоиться и хоть на время забыть о болезни.

– Сашка, а помнишь последний Императорский бал в Зимнем? Ах, как я танцевала, – зажмурила глаза от удовольствия и напонила Александру маленькую, уютную, пушистую кошечку.

Он радовался радости жены, и хотя ненавидел балы, но чтоб подыграть ей, с одышкой прохрипел:

– Я весь бал любовался тобой.

– А-а-а! Медведь ты этакий, а сам просидел в уголке на стуле и даже не станцевал со мной. Ой, Сашка, – всплеснула она руками, и сердце его счастливо замерло от этого её непосредственного жеста. – Зато ты не заметил из своей берлоги, как графиня Быстрицкая потеряла нижнюю юбку и всю кадрили она путалась под ногами, пока Петька Черевин не убрал её.

– Ха! А мне этот пьяный хрыч хвастался, что взял на память у любовницы.

– И вы ей водку занюхивали, свои дурацкие «гвардейские тычки», – радуясь веселью мужа, поддержала она шутку. – Только жалко, что свет во дворце погас, я так и не натащивалась.

– Так это я пробки выкрутил, – развеселился император, – а то бы бал трое суток продолжался.

– Ах ты, разбойник коронованный, – сделала вид, что лупит его кулачками. – Сашка, а как замечательно ты пыхтел на своём фаготе, – вновь зажмурила глаза.

– Ох, Дагмара!.. – совсем взбодрился Александр.

– Я больше не Дагмара, а Мария Фёдоровна.

– Дагмарка ты Датская, – подтрунил над женой император.

– А ты медведь Российский, – с любовью произнесла она, подумав, что счастливо прожила с этим гигантом жизнь, родив ему шестерых детей: Николая, Александра, Георгия, Михаила, Ксению, и Олечку.

Это она внушала русскому самодержцу ненависть к Германии, отнявшей в 1864 году от владений датской короны герцогства Шлезвиг и Гольштейн. Всю жизнь не могла она простить этого гансам. И под влиянием супруги, впервые в России не давали ходу людям с немецкими фамилиями, ставя на высокие посты коренных русаков.

Кроме жены, приложил к этому руку и голову воспитатель царя – Константин Петрович Победоносцев. Это он привил тогда ещё цесаревичу, глубокую православную веру, любовь ко всему русскому и симпатию к славянофилам.

Дело дошло до того, что в конце шестидесятых годов, по поводу возникших отношений с Аксаковым, Победоносцев с наследником попали в число неблагонадёжных лиц, находящихся под подозрением у шефа жандармов Шувалова.

Этот момент потом всегда веселил Александра.

Став императором, в первую очередь он переобмундировал армию на русский лад, одев солдат в удобную гимнастёрку, а офицеров в шаровары, сапоги бутылками и шинели с двумя рядами пуговиц.

– Ох, Сашка, но вот что хочешь делай, не нравится мне наша невестка, эта Алиса Гессенская. Наш бедный Ники всю жизнь будет мучиться под её немецким каблуком. Лучше бы это была графиня Елена Парижская, ведь отец её, в прошлом герцог Орлеанский, ещё претендует на французский престол, или дочь герцога Коннаутского, да мало ли прекрасных принцесс, но наш сын выбрал эту фрау...

– В тебе, Дагмарочка, говорит ум обиженной матери, у которой уводят сына. Любая невестка не пришлась бы тебе по нраву, даже греческая королева... Нет у меня времени... Алиска только тем мне нравится, что высокая, – с любовью посмотрел на маленькую жену, – хоть внуки мои, в отличии от сына¹, будут рослые.

«К огромному сожалению, я их не увижу», – вздохнул император.

– Да, мой господин, – шутливо склонила перед мужем голову императрица, – теперь они помолвлены.

– Ну, коли помолвлены, – властным голосом произнёс Александр, – то пусть едет к нам за благословением, – повелел он.

На какое-то время русскому императору стало легче. Появился аппетит и выглядел он намного бодрее. Сидя в своём любимом кресле, Александр предавался раздумьям или изредка общался с приятелями, коих у него было очень немного.

Да и откуда у самодержца приятели?!

Одним из таких являлся генерал Пётр Черевин. Старинный и проверенный собутыльник царя.

Друзья или молчали, или предавались воспоминаниям, так как настоящего у императора почти не было. Всё лучшее осталось в прошлом.

– Эх, Петька, сейчас бы хоть один «гвардейский тычок», – мечтал Александр. – Ты-то, поди, уже с десятков сегодня принял? – завидовал своему начальнику охраны.

– Тружусь на износ! – посетовал тот. – Оберегаю особу государя.

– Слушай, Петька, а может у тебя и сейчас чего-нибудь в голенище припряталось? – с опаской покрутил головой российский самодержец – нет ли поблизости супруги.

– Ваше величество, вы же немного прибалываете, – отказывался Черевин.

– Давай, давай пока Машка не видит, – сглатывал счастливую слюну, – всё равно помирать, – с вожделием глядел, как из сапога телохранителя появляется плоская фляга с коньяком.

Через некоторое время друзья блаженно вглядывались в необъятную даль такого синего Чёрного моря.

– Как по-твоему, Петька, хитра голь на выдумки? – катал во рту виноградинку царь.

– Очень хитра, Ваше величество, – напустив морщины раздумья, отвечал Черевин.

Потом глубокомысленно помолчали.

– Всё-таки, Ваше величество, мы с вами не дураки! – пришёл к выводу начальник охраны.

– Нет, Петька, не дураки, – через некоторое время, сжевав виноградину, соглашался император.

С кем и расслабиться, как не с другом.

Правда, бдительная Мария Фёдоровна тут же прогоняла красноносого генерала.

¹ Рост Николая был 1м. 68см.

С большим уважением она относилась к другому приятелю монарха, его боевому товарищу Максиму Рубанову. Ей нравился этот высокий и стройный светловолосый мужчина с голубыми глазами. Она любила танцевать с ним на балах, ей нравились его шутки и остроумная беседа, нравилось, что он вовремя мог сказать комплимент.

Прощаясь, императрица всегда благосклонно протягивала руку для поцелуя Свиты Его Величества генерал-майору Рубанову.

Вот и сейчас, сменив Черевина, он увлечённо беседовал с императором о последней русско-турецкой кампании.

– А как славно Ваше величество, мы провели форсирование Дуная в июне 1877 года. Так славно и тихо, что неприятель ничего не слышал. Ровно в полночь плоты и паромы отвалили от берега...

– Издалека всё выглядит славно, – перебил его государь, – а на середине Дуная течением и ветром плоты стало сносить, потому и высадка произошла не одновременно всеми силами. Турки успели занять крутые берега Дуная, и нам не сладко пришлось, – в волнении замолчал он, вспоминая дни далёкой молодости, когда ещё не был императором.

Но каковы волинцы? – напомнил государю фронтовой эпизод Рубанов. – Сорок человек третьей стрелковой роты, с помощью шанцевого инструмента и ружей, взобрались на крутую вершину и штыками выбили неприятеля.

Глаза императора загорелись задорным блеском.

– А какие трудности, Максим, мы перенесли с тобой на Шипкинском перевале.

– Конечно помню, Ваше величество, а каким молодцом вы себя там показали... Ведь мороз, метель, да что там метель, снежный ураган, – расстегнул пуговицу кителя от жары Рубанов, но тут же вновь её застегнул, дабы не нарушать форму одежды, – снега три четверти аршина выпало, а в некоторых местах по полутора сажен, и в таких условиях мы держали оборону.

– Ваш батюшка, генерал-лейтенант Аким Максимович Рубанов, помнится, получил там ранение.

– Никак нет, Ваше величество, ранение он получил при взятии Плевны. А особенно его подкосила гибель Вашего родителя от бомбы полячишки Гриневецкого. Батюшка пережил своего любимого императора на десять дней и 11 марта 1881 года ушёл из жизни...

– Да-а, Рубанов, скоро я увижу наших родителей, – загрустил император.

– Да что вы, Ваше величество... – не закончив фразы, Максим умолк.

Они были военные люди и не раз встречались со смертью. Он видел, что император очень и очень плох.

– Всё в руках Божьих! – задумчиво произнёс Александр. – О России мысли мои... Ведь скажи по совести, – взглянул он на друга, – рано сыну садиться на престол... Рано! Я рассчитывал ещё лет пятнадцать-двадцать править Россией. Мне ведь только пятидесятый год... Не подготовил наследника..., не подготовил. Рубанов, будь другом, принеси мороженого, лоб что-то взмок, – сменил тему монарх.

– Ваше величество, – стушевался Максим, – врачи же запретили.

– Я что тебе, уже не государь? – перебил его Александр, и через несколько минут с удовольствием объедался мороженым. – Всю жизнь люблю то, что вредно, – подвёл он итог.

Поезд, стуча колёсами на стыках рельсов, вёз Алису Викторию Елену Луизу Беатрису, принцессу Гессен-Дармштадскую в Россию.

Временами сердце замирало от того неизвестного, что ожидало её в этой необъятной снежной стране, царицей которой ей предстояло стать.

«И я, внучка английской королевы Виктории, достойна этого».

Необъяснимое беспокойство заполняло душу и не давало спать молодой двадцатидвух-летней принцессе.

«Ну чего я волнуюсь? – успокаивала себя, подбивая кулачком мягкую подушку и вслушиваясь в однообразный стук колёс. – Ведь я еду к любимому человеку, к своему Ники. В первый визит Россия и общество не приняли меня.., но это было очень и очень давно, целых пять лет назад... И что тогда я из себя представляла? Гадкого утёнка. Плохо одета в сравнении с русскими аристократами, но за это должно быть стыдно моему отцу, герцогу Людвигу, и лишь от этого я была стеснительная, нервная и надменная. К тому же тогда я просто гостила у своей сестры Эллы, супруги великого князя Сергея, царского брата, а теперь... – поднялась она с мягкого дивана, включила свет и достала из шкатулки кольцо с розовой жемчужиной, браслет с крупным зелёным изумрудом и бриллиантовую брошь с сапфиром. – Подарки моего Ники к помолвке», – поцеловала каждую из драгоценных вещей.

«С ума сойти, – открыв глаза, подумала спавшая на соседнем диване репетиторша по русскому языку мадам Шнайдер, – будет что рассказать Марие Фёдоровне.., украшений никогда не видела.., целуется с ними», – сделала вид, что крепко спит.

«А вот и подарки императора Александра, – достала из небольшого ларца изумительное жемчужное ожерелье, но целовать его не стала. – Шнейдрисса говорила, что сделал его знаменитый дворцовый ювелир Фаберже, – глянула на свою соседку по купе, которая в это время начала громко храпеть, чтоб сойти за спящую. – Как это по-русски? Храпит по-коровьи, – примерила ожерелье. – Как императорская чета не противилась, а вышло по-моему, – радостно подумала она, – Ники стал женихом, а скоро будет и мужем».

Здоровье императора вновь начало ухудшаться и на этот раз всем стало ясно, что конец близок.

Надежд не оставалось.

В Ливадию приехали братья царя, великие князья Сергей и Павел.

По просьбе митрополита Палладия в специальном поезде королевы эллинов Ольги Константиновны и матери её, великой княгини Александры Иосифовны прибыл в Севастополь священник Иоанн Кронштадский, чей портрет висел в каждом доме православного русского человека. Из Севастополя в Ялту они отправились на военном корабле «Память Меркурия».

При дворе царя неразбериха. Министр двора Воронцов-Дашков устраивал прибывавших и прибывавших гостей, и абсолютно забыл о существовании принцессы Алисы, которой пришлось добираться до Крыма как обычной пассажирке, хотя по протоколу двора невесте цесаревича полагался специальный поезд.

Чтобы напомнить о себе, она телеграфировала, что желает как можно скорее принять православие.

Духовник императора пресвитер Янышев загордился, услышав о таком желании, ведь это он весной вместе с цесаревичем ездил в Кобург, где в то время проживала Алиса, дабы «направить её на путь истинный и обратить в православие».

Вспокоившийся жених срочно отправился в Симферополь встречать наречённую.

– Боже, что за радость встретить тебя у себя на родине и быть рядом, – нежно целовал свою невесту.

Русский император был прост в еде и одежде, чем заслужил реплику королевы Виктории: «Что это монарх, которого она не считает джентльменом».

Но королева ошибалась. Русский царь был настоящим джентльменом!

Для встречи невестки и сына он с трудом поднялся с постели, облачился в специально пошитую для этого парадную генеральскую форму.

А ведь только вчера, 9 октября, он принял своего духовника и приобщился перед смертью Святых Тайн.

Он знал, что обречён.

– Сашка, ты же болен, лежи в постели, – умоляла его жена.

– Дагмара, ты не понимаешь, я должен приветствовать будущую императрицу стоя, а не лёжа.

От слов «будущую императрицу» Мария Фёдоровна чуть не потеряла сознание.

«Господи! Неужели когда-нибудь это случится...», – стоя рядом с мужем, думала она, глядя на коленопреклонённых сына и невестку, получающих благословение царя.

В этот же день император узнал о приезде Иоанна Кронштадского.

Александр очень ценил отца Иоанна, мысли коего о России созвучны были с мыслями самого императора, и ему вспомнился рассказ Победоносцева о встрече со священником: «Когда секретарь доложил, что отец Иоанн прибыл, я несколько времени продержал его в приёмной, и затем пригласил в кабинет. Пастырь не выглядел раздражённым: – Говорят, святой отец, что вы творите чудеса? – обратился к нему. Я, Ваше величество, как вы знаете, религиозный человек, и верю в догматы православной церкви, и в то, что раньше умели творить чудеса, но чтобы сейчас. Ведь ходит легенда, что как-то его позвали причастить умирающую девочку. Он глянул в лицо умирающего ребёнка, и душа зашлась от жалости. Тогда вместо отходной он прочёл молитву о здравии... И больная перестала задыхаться. «Будет жить», – положил ладонь на лоб девочки, и поражённая мать увидела слабый румянец на щеках дочери. Упала она на колени перед отцом Иоанном. Девочка выздоровела. Или случай на Соборной площади, свидетелями которого множество людей. Увидел пастырь мальчика с повязкой на глазах. «Что с ним?» – спросил у отца. Тот объяснил, что ребёнок высунулся из окна вагона и искры от паровоза ожгли глаза. После этого сын ослеп. – «Доктора говорят, что зрение не вернётся». – «Вернётся!» – произнёс священник и, перекрестив, осторожно снял повязку, под протестующие речи отца. Каково же было потрясение родителя, когда мальчик бросился к нему со словами: «Папа, я вижу!» Отец ребёнка был лютеранин, но он попросил Иоанна крестить его с сыном в православную веру.

Об этом писали многие газеты. Так вот, Ваше величество, на мой вопрос о чудесах он ответил: «Творю не я, а Бог по моей молитве!» Так он сказал это, что понял я – предо мной стоит святой!.. И я, тайный советник и обер-прокурор Святейшего Синода пал пред ним на колени и попросил: «благослови отче!» И после с благодарностью поцеловал его руку. Просто батюшке. Вот оно – чудо! Ведь предо мной епископы потеют от страха...».

«Мне обязательно следует увидеть преподобного и помолиться с ним, – решил император. – Не за себя... За Россию!» – велел пригласить к себе отца Иоанна.

В отличие от Победоносцева, он сразу приказал провести в кабинет священника и встретил его стоя, как особу, равную по значению себе. Государь поклонился святому отцу и произнёс:

– Я не смел сам пригласить вас в такой далёкий край России, – мучился он от одышки, но продолжал, – однако, когда великая княгиня Александра Иосифовна предложила мне пригласить вас в Ливадию, я с радостью согласился на то и благодарю, что вы прибыли.

При виде государя отец Иоанн понял, что он обречён.

Братья царя, его жена и племянники были убиты горем. Они собирались в гостиной первого этажа и вели бесконечные разговоры об умирающем императоре.

Лишь Николай с невестой, стараясь не попадаться на глаза родственникам, предавались своему счастью. Они уходили на берег моря и там украдкой целовались, загораживаясь зонтиком от случайных свидетелей.

Николай любовался высокой голубоглазой девушкой в белом платье, а она восторгалась его открытым лицом и мягкой, немного робкой, но такой обаятельной улыбкой.

«Как мой Ники нежен и прост, готов любить каждого...».

– Ники, как ты жил без меня? – бросив пиджак на плоский, нагретый солнцем камень, сидели на нём, любуясь морем.

– И грустно, и весело... Ездил верхом, танцевал на балах, слушал оперу, посещал балет и театр, и ждал.., ждал.., ждал!

– И что же ты ждал? – жмурилась она от солнца и счастья, почти угадывая ответ.

– Ждал тебя... Я всё это время ждал Тебя!!! – кричал он морю, солнцу, ветру и чайкам.

Она шутливо закрывала ему рот рукой в душистой перчатке.

– Ждал Тебя, – поцеловав её пальцы, и чуть отстранив её руку, вновь кричал он.

– Тише! Тише! – задыхалась она от счастья, от его рук и губ. – Ну, расскажи! Расскажи!

Расскажи о себе?! – просила она.

– Да особо нечего рассказывать. Жизнь без тебя была глупа, безумна, бездарна и пуста. Но я не знал этого и жил... Зимой катался на коньках, наслаждаясь морозом. В сумерках ужинали в полутёмной гостиной, и я летел на балет или в оперу, или в театр. Мне нравились «Евгений Онегин» и «Борис Годунов». Я наслаждался «Спящей красавицей» Чайковского...

– И до меня дошли уже слухи, – несколько сухо произнесла Алиса, – что наслаждались вы и балеринами, – увидела краску на щеках жениха. – Вот, сударь, вы и покраснели...

– Всё это было до вас.

– И что же было? – совсем сухо спросила она.

– Матильда Кшесинская. Но я не любил её. Она мне просто нравилась. Помнишь, я давал тебе читать свой дневник. Там всего-навсего и было написано: «Положительно Кшесинская меня очень занимает».

– Конечно, помню, – перестала она чертить зонтом на песке, – а дальше следует надпись: «Кшесинская мне положительно очень нравится». Я ещё тогда хотела спросить об этой Кшесинской.

– Ну, прости, прости меня. Люблю я только тебя, свою Аликс, вновь целовал, сломив слабое сопротивление, её губы, волосы и глаза.

– Ну что ж, – вырвавшись из его объятий, произнесла невеста, – что было, то было... Я прощаю тебя! Потому как всю жизнь тоже ждала.., ждала.., ждала. Тебя!

На следующее утро она вручила ему письмо на английском, которое он тут же, при ней, прочёл: «Что прошло, то прошло и никогда не возвратится. Мы все терпим искушения в этом мире и, будучи ещё молоды, не всегда можем бороться и удержаться от искушений, но, когда мы раскаиваемся, Бог прощает нас... Прости меня за это письмо, но я хочу, чтобы ты был совершенно уверен в моей любви к тебе, в том, что я люблю тебя ещё более, чем до того, как ты рассказал мне этот маленький эпизод, твоё доверие тронуло меня так глубоко... может быть, я буду достойна такого доверия... Боже, благослови тебя, возлюбленный Ники».

Растроганный Николай нежно-нежно поцеловал свою невесту.

– Ники, мы ничего не должны скрывать друг от друга... Не письма, не дневники.

– Но я же веду дневник на русском языке.

– Эт-т-то ничего... Я разберусь, – поцеловала жениха в губы. – Мадам Шнейдер на совесть учит меня грамоте. И что ты дарил этой балеринке? – вопросительно глядела в любящие глаза цесаревича. – Ники! Мы же договорились...

– Золотой браслет в бриллиантах и с большим сапфиром, – терялся перед женским напором Николай.

– Ники-и-и! Ты чудовище!.. Но я вновь прощаю тебя. А сейчас пойдём, почитаем дневник. Ты помнишь день нашей помолвки, – сидя рядом с женихом на диване спросила Алиса.

– Будто это было вчера. Тогда брачная церемония твоего брата Эрнста собрала в Кобурге весь цвет царствующих дворов Европы, но свадьбы великого герцога никого не интересовала, – хохотнул Николай, – все увлечённо занимались нашим сватовством.

«День стоял холодный и серый, – читала строки дневника Алиса, – но на душе было светло и радостно», – Ники, ты душка, – чмокнула в щёку жениха и с интересом, по слогам, продолжила чтение: «В 10 часов моя несравненная Аликс зашла за мной, и мы отправились вместе пить кофе у королевы».

– А ранним утром меня разбудили звуки команды и топот копыт по булыжной мостовой, – оживлённо произнёс Николай, – это королева Виктория послала к моему дому роту драгун, чтобы поздравить с помолвкой.

– Как ты мог спать, Ники! Я в ту ночь совсем не спала.

– И зря! Потому-то на фотографии в тот день ты получилась сонная... но хорошенькая, – быстро исправился он.

«... Спроси у Аликс, какой камень она любит больше всего – сапфир или изумруд? Я хочу знать это на будущее», – читала Алиса.

– Скажи своей маме, что больше всего мне нравится бриллиант...

«Но в тот раз она сделала тоже приятный подарок, – подумала Алиса, – послала мне браслет с изумрудом и прекрасное, в драгоценных камнях, пасхальное яичко».

Устав читать, отложила в сторону дневник.

– А сколько пришло поздравительных телеграмм из России, – с гордостью произнесла Алиса.

– Если бы ты знала, как мне надоело отвечать на них, ведь расцветала весна, все ездили кататься в колясках...

– Но зато мы оставались одни, гуляли по саду, вдыхали аромат цветов и целовались у голубого пруда с золотыми рыбками. Это были десять дней блаженства... А потом ты уехал...

– Прочти, Аликс, что я написал по этому поводу, – нашёл он нужную страницу.

«Какая печаль быть обязанным покинуть её надолго, как хорошо нам было вместе, просто рай».

– Мой Ники! Как я люблю тебя!

Десять дней продолжалось счастье Алисы.

«Вторая прекрасная декада после Кобурга, – думала она. – Но впереди вся жизнь... Роскошная, в цветах и бриллиантах жизнь... А Гёте говорил, что за свою долгую жизнь пережил всего одиннадцать счастливых дней... Бедный Гёте!»

– Ни на кого не глядит, словно мы недостойны её внимания, – сетовала за вечерним чаем сорокалетняя великая княгиня Мария Павловна, жена великого князя Владимира, брата Александра Третьего. – Подумаешь, принцесса Дармшматская, – специально исковеркала название княжества. – А я из дома Мекленбург-Шверинского, – с гордостью оглядела своих сыновей – Кирилла, Бориса и Андрея: «Какая жалость, – подумала она, – что мой супруг на два года младше императора... Как прекрасно выглядело бы, случись всё наоборот!»

Неожиданно её поддержала Мария Фёдоровна:

– Её нищий папа, герцог Людвиг, абсолютно не воспитывал свою дочь, не привил ей самых элементарных навыков этикета... Недавно взяла суп с подноса лакея прежде меня.

– Да, да, а моего сына, Кирилла, просила подать ей кусочек жареной птицы... Господи! Какое невежество. Должно определить, чего именно желаешь: утку, каплуна, курицу, рябчика..., а не вводить молодого человека в замешательство.

«Тоже мне, вежливые, воспитанные барышни, – краснела лицом жена другого царского брата – Сергея, великая княгиня Елизавета, или Элла, как чаще её называли, родная сестра обсуждаемой особы. – Меня не стесняются, ведь знают, что обидно их слушать... А сама-то

Мария Павловна, – вспомнив приятное, подавила набежавший смешок, – протянула лакею, чтоб налил рейнтвейна, рюмку зелёного стекла, хотя согласно этикету, этот напиток наливают в плосковатые рюмки тёмного стекла, а зелёные нужны для токайского... И тоже мне, нашла чем хвалиться... из Мекленбург-Шверинского дома она... не дом, а убожество...».

20 октября император пригласил к себе жену, детей, родных и некоторых придворных. Неизвестно почему, но он знал, что день этот будет его последним днём на земле.

Ум его был ясен. С тоскливой нежностью глядел он на любимую женщину и детей.

– Дай свою руку, – попросил жену, и последний раз в жизни ощутил тепло её ладони. – Я любил тебя, – ласково глядя на неё, прошептал Александр. – Люблю... И буду любить тебя там...

Императрица беззвучно рыдала, чувствуя, что всё кончено... С болью ощущая каждую секунду уходящей жизни: «Как мне их задержать, как мне их задержать...», – сжимала руку мужа, с детской надеждой думая, что пока она держит её, муж не уйдёт... не может уйти... ведь она не отпустит его...

Будто во сне она видела, как сын подписал какой-то манифест, и даже в голове её отразилось несколько строк: «От Господа Бога вручена нам власть царская над народом нашим... перед престолом Его мы и дадим ответ за судьбы державы Российской».

Затем, в том же сне наяву, она увидела отца Иоанна, возложившего руки на голову мужа.

«Зачем? – подумала она. – Зачем он делает это?.. Я хочу проснуться...», – вдруг почувствовала, что рука мужа стала тяжёлой и холодной и поняла, поняла, проваливаясь куда-то в туман и небытие, что она не смогла удержать его..., что его больше нет..., что последняя секунда его жизни ушла с последним его выдохом...

В этот момент раздался гром пушек на военных кораблях, стоявших в Ялтинском заливе. Флот прощался со своим императором.

В конце дня перед дворцом установили алтарь, и священник в золотом облачении приготовился принимать присягу...

Рубанов заменил Петру Черевину его царственного друга и весь вечер они вспоминали императора, разбавляя слёзы крымским вином.

Утром следующего дня, пошатываясь после помин, грешники пошли в церковь, замыкая небольшой хвост из родственников нового царя, и присутствовали на обряде обращения в православие немецкой принцессы.

– Когда придём во дворец, будет повод опохмелиться, – поддерживали генералы друг друга.

Церковная церемония не произвела на друзей никакого впечатления, в отличие от нового самодержца, который издал свой первый указ, провозгласив новую веру, новый титул и новое имя Алисы Гессенской, ставшей теперь православной великой княгиней Александрой Фёдоровной.

Уже другой, уверенной походкой шагала она по задрапированному в чёрное дворцу.

– Аликс, ты поразительно хорошо и почти без акцента прочла молитвы, – целуя её перед сном, произнёс Николай.

В конце недели гроб на броненосце «Память Меркурия» перевезли в Севастополь, а оттуда, на траурном поезде – в Москву.

Мария Фёдоровна осунулась и постарела от тоски и горя. Ночами, в бредовом полусне, из которого всё не могла выйти, она нежно обнимала гроб и в забытьи шептала:

– Ну зачем, зачем ты покинул меня.., ведь я так тебя люблю...

А вокруг свечи и молитвы священника, траурные свечи и прощальные молитвы.

– Саша.., – шептала она, – ты помнишь, в этот день была наша свадьба... Много света, цветов и улыбок, – ласково гладила гроб. – Да уберите вы свечи, – подняв голову, закричала она, – и несите свадебные цветы, – обнимала драпированный пурпуром гроб.

Вошедший брат почившего царя, вытирая слёзы со своих щёк, бережно увёл её в купе.

В Москве, катафалк с гробом повезли в Кремль. Несмотря на дождь, тротуары были запружены народом. Москва прощалась с императором.

– Это Бог плачет над нашим царём, – рыдала, одетая в чёрное, вдова чиновника. – Как мы теперь будем без него?..

Прежде чем въехать в Кремль, десять раз останавливалась траурная процессия, и на ступенях десяти церквей служили литургии.

Николай не понял ещё до конца, что стал императором огромной державы. А в Георгиевском зале Кремля предстояло держать речь... А он никогда этого не делал, не привык и терялся перед скоплением народа. Ведь, в сущности, он был ещё очень молод и неопытен.

Саму-то речь сочинил Победоносцев, но от волнения она абсолютно не шла в голову.

«Что делать? Что делать?» – переживал он.

Своего императора выручил похмельный Рубанов, потому как трезвому человеку такая мысль вряд ли придёт в голову.

– Вы, Ваше величество, положите листок с речью в шапку, а как снимите её перед народом, так и читайте...

Первое выступление царя прошло превосходно, и он был благодарен генералу.

Поезд с телом императора приближался к вокзалу столицы Российской империи.

Максим Акимович Рубанов жадно глядел в окно, мечтая увидеть в толпе встречающих свою жену.

«Может, заболела? – беспокоился он. – Или дети?» – с надеждой взгляд его переходил с одного лица на другое.

Да ещё мешали выстроившиеся на платформе в ряд красные с золотом придворные кареты, обитые чёрным крепом.

И тут он увидел жену, стоявшую у кареты и вглядывающуюся в каждое вагонное окно.

Максим заколотил ладонью по стеклу, но её отвлék кучер, решивший подождать экипаж поближе к вагону.

Приказав денщику заниматься вещами, он бросился к выходу. На его счастье, состав резко дёрнулся и остановился.

Максим первым вышел из вагона и, огибая кареты и толкая людей, побежал к тому месту, где недавно заметил жену.

Растерянная, она глядела по сторонам, не надеясь в такой толкотне встретить мужа, и вдруг почувствовала на глазах тёплые ладони, и прикосновение таких родных губ к щеке.

Она обернулась и, всхлипнув, обхватила за шею Максима, сбив с его головы фуражку.

– Я ждала.., я ждала.., – бессвязно лепетала она, наслаждаясь слабым запахом дорогого мужского одеколona, и чуть не теряя сознание от мягких и требовательных его губ.

Она не замечала, что их толкают, что они стоят на проходе и мешают другим.

В чувство привёл их наглый дворцовый кучер, похлопавший по плечу Рубанова.

– Господин генерал...

«Про себя он, наверное, ещё кое-что добавил», – прыснула смехом Ирина Аркадьевна, проведя рукой по начинающей сесть, небольшой бородке мужа.

– Да пошёл-ка ты, братец.., – миролюбиво произнёс Рубанов и, оборвав фразу, прикрыл рот ладонью. – Пардон, мадам, – шутиливо извинился перед женой.

Та хотела сказать: «Чему только не научишься от нашего императора», – но вспомнила, что того больше нет и радость от встречи померкла.

Ей нравился этот простой, великодушный и справедливый монарх, тринадцать лет несший на могучих плечах груз правления огромной державой.

Быстрым шагом прошёл жандармский офицер, вяло козырнув Рубанову, тот так же вяло ответил, взял жену под руку и повёл к выходу, вспомнив, что на голове нет фуражки.

Ветер трепал его белокурые, подёрнутые сединой на висках волосы.

Начал накрапывать дождь и жена попыталась раскрыть зонтик, но передумала в такой толпе.

– Максим, ты простудишься, – ускорила шаг.

На привокзальной площади шпалерами стояли войска. Приглушённая дробь барабанов и приспущенные флаги с чёрной траурной лентой, навивали грустное настроение.

Какая-то пожилая дама в немодной шляпе с сиреневыми цветами, прижала к губам платок и, не отрываясь, глядела на широкий вход с круглыми часами над ним.

В ту же минуту появились траурные кареты. Толпа замерла. Офицеры вытянулись, отдавая честь отправившемуся в последний путь императору.

Женщины плакали, вытирая глаза мятыми, мокрыми платочками.

Всё стихло. Только цокот копыт. Дробь барабанов и стук колёс по мостовой. Неожиданно и резко зазвонили колокола... На всех церквях российской столицы.

Самая последняя, в открытом экипаже, одна, ехала новая императрица.

Александра Фёдоровна не смотрела по сторонам, лицо её закрывала густая вуаль.

«Она пришла к нам за гробом!» – выкрикнула пожилая дама в старой немодной шляпе.

Ещё издали, из открытого экипажа, Максим увидел свой огромный пятиэтажный особняк, два первых этажа которого принадлежали ему. Генеральский оклад и рубановские доходы позволяли содержать двенадцать комнат второго этажа: гостиную, кабинет, столовую, библиотеку, бильярдную, спальную, будуар жены, детские и комнаты для гостей. На первом этаже располагался просторный банкетный зал, кухня, комнаты для гостей попроще и прислуги. Во внутреннем дворе Рубанову принадлежали экипажный сарай и конюшня с прекрасными рыскаками.

Дома Максима Акимовича встречала вся семья. Даже две. Его и младшего брата, Георгия, профессора Императорского Санкт-Петербургского университета.

Аким и Глеб бросились к отцу. Он по очереди поднимал их и целовал.

«Этот совсем мой», – прижимал к себе светловолосого голубоглазого Глеба, одетого в новенький кадетский мундир.

Глаза мальчишки светились счастьем от встречи с отцом.

«А этот мамин, – подняв к лицу, целовал старшего сына, чувствуя слабое сопротивление последнего. – Недоволен, что как маленького подбрасываю, – погладил по тёмным волосам и со вздохом глянул на синий гимназиический мундир с девятью светлыми пуговицами и узким серебряным кантом по воротнику. – А всё жена и мой либеральный братец... Ведь я-то мечтал отдать сына в пажеский или кадетский корпус», – обнял своего брата, а затем его супругу, стройную невысокую женщину с пышными каштановыми волосами.

Следом за родителями к Максиму подошли племянник и племянница.

Не столько подошли, сколько их подтолкнула гувернантка.

– Здравствуйте, мадемуазель Лиза, – помня недовольство старшего своего отпрыска, нагнул к серьёзной девятилетней девчужке Максим и чмокнул в щёку.

Четырёхлетний брат её, Арсений, испугался поднявшейся суеты и поднял рёв.

Все кинулись успокаивать мальчишку.

– А вот глянь, что тебе дядя привёз, – вовремя заметил денщика Максим Акимович.

Тот, сопя от усердия, подтащил к своему богу и начальнику объёмистый баул, из которого Рубанов-старший по очереди выуживал: коричневого плюшевого медвежонка – плаксе, красивую нарядную куклу – девочке, толстую книгу с красочными рисунками зверей – Акиму и маленький паровоз с рельсами и вагонами – Глебу. И всем вместе огромный пакет с белыми и красными кирпичиками, над которыми можно часами пыхтеть, строя дома, мосты, крепости, замки и долго не приставать к взрослым.

Пузатый денщик вместе с мадемуазель Камиллой и ещё одной гувернанткой, увели ребят в детскую, а взрослые, после общения со своими чадами, облегчённо улыбались и переглядывались.

– Чего моргаете-то друг другу, – почувствовал подвох Рубанов-старший.

– Сюрпри-и-и-з! – несколько стеснительно произнёс Рубанов-младший, и по его сигналу полногрудая молодая кормилица внесла в гостиную ещё одно чадо, завернутое в беленький пакетик с голубеньким бантиком.

– Это чего там такое находится? – счастливо засмеялся Максим.

– Ещё один твой племянник, – скромно потупился брат. – Сам не знаю, как он получился.

Женщины при этих словах всплеснули руками, а Максим Акимович бережно взяв у кормилицы свёрток, произнёс:

– Могу вам напомнить, господин профессор.

– Хватит, хватит! – остановил его Георгий. – Знаю твой армейский юмор.

– Родился в день смерти нашего императора, – с лёгкой грустью в голосе и огромным счастьем в глазах, произнесла Любовь Владимировна, забирая у Максима ребёнка.

– Любаша, – обратился к жене Георгий, отдай его кормилице, да и за стол пора, – потёр он одна о другую белые ухоженные руки с тонкими пальцами пианиста.

В ту же минуту Максим Акимович почувствовал необычайный аппетит.

– Действительно, дамы и господа, пора кормить путешественника, – первым направился в столовую. – За почившего императора, – поднял он тост. – Выпьем не чокаясь. Мощный был человек, и мощная стала при нём держава.

– С этим ещё можно поспорить, – вскинулся младший брат – профессор, философ и историк, то есть, русский интеллигент, в среде которых хвалить императора и власть считалось дурным тоном.

– Мужчины, мужчины, успеете ещё наспориться, смотрите, стол-то какой, – направили братьев от пищи умственной к пище насущной их жёны.

– Как там Рубановка? – немного насытившись, поинтересовался Максим Акимович.

– На месте! – лаконично ответила жена.

– Понял! – кивнул он головой, рассмешив общество. – Чего я смешного сказал? – налил всем шампанского – обедали одни, без лакеев. – А теперь за нового императора Николая Второго.

Брат опять вострепнулся, вновь все рассмеялись.

Они были счастливы, оттого, что вместе... Что дети здоровы... Что в семьях достаток... Что удачна карьера...

– Ну а как Ромашовка? Вотчина моего брата.

– Чугунные ворота на месте, длинная липовая аллея всё такая же ровная, а из каменной белой беседки по-прежнему видна Волга, а не Иртыш, – поставив пустой бокал на стол, ответила Ирина Аркадьевна, и смешливо фыркнула, глянув на мужа.

Настроение её было прекрасным, она разыгралась как маленькая девочка, и постоянно задирала своего супруга.

Игривый её настрой передался всем.

– Кстати, – вспомнил Максим Акимович, – а как назвали ребёнка?

Брат с женой сделали вид, что не услышали вопроса, а Ирина Аркадьевна прыснула в кулачок.

– Не понял! – повертел свой бокал старший Рубанов.

– Назвали в честь тебя – Максимом, – смело ответила его жена.

– Ка-а-ак Максимом? – возмутился он. – Да вы что?! – даже встал со своего места. – Георгий! Ты разве не знаешь наших семейных традиций? Ты разве не знаешь, что только старший в семье должен носить это имя? – разволновавшись, стал ходить по комнате.

Любовь Владимировна барабанила пальцами по столу, а её супруг впервые не находил слов.

Выручила всех Ирина Аркадьевна.

Подойдя к мужу и нежно обняв его, она попыталась объяснить, чем они руководствовались:

– Ведь в этот день не стало императора... И чтоб сделать тебе приятное.

– Вы должны были назвать его Александром или посоветоваться со мной, – перебил её. – Эти либералы, – немного успокоившись, глянул на брата, – всё хотят перевернуть с ног на голову: «В принципе, будет не так уж и плохо, коли на свете появится ещё один Максим». – Но знайте! – делая грозный вид, произнёс он. – Парень станет военным.

На что брат утвердительно кивнул, но сложил под столом из своих музыкальных пальцев некую искусную, но не слишком интеллигентную комбинацию.

Для разнообразия пошли посмотреть, чем занимаются дети.

Под руководством денщика, которого они ласково звали Антипушкой, ребята с восторгом следили за паровозом, тащившим за собой маленькие вагончики. Паровозик не только усердно пытел, но и пускал самый настоящий пар.

– Как он это делает? – вновь рассмешила всех Ирина Аркадьевна, опустившись на колени и разглядывая рельсы и игрушечный состав.

– Мадам! – издали начал объяснять денщик. – Если налить в него воды и зажечь внизу спирт... который непременно норовит кончиться...

–... И почему-то пахнет из денщика, – продолжила она за него, чем ввела компанию прямо-таки в гомерический хохот.

Антип сделал вид, что не расслышал, а мадемуазель Камилла подумала, что барыня поступает неразумно, так панибратски разговаривая с денщиком, у которого не только конопатая прохиндейская рожа, так как сам он из приказчиков, но и наглые длинные руки, совершенно незнакомые с этикетом.

Когда через некоторое время родители во второй раз зашли наведать своих отпрысков, то денщика с мадемуазель Камиллой и вовсе не было в комнате, а вторая гувернантка наизусть читала детям Пушкина, немного перевирая слова:

– Через моря, через леса, колдун несёт богатыря...

– Так не бывает, – стала спорить и опровергать гувернантку Лиза. – Летать могут только птицы. Так папа говорит.

– И колдуны могут! – заступился за кудесников Аким. – Да ещё как!

– А ты видел? – смутила его маленькая кузина.

– Не видел, но знаю, – уже не так уверенно спорил он.

«Какая у меня умная дочь!» – восхитился Георгий.

А Максим Акимович почему-то грустно глянул на девочку.

– Господа! Господа! Мужчины, где шампанское? Наполняйте бокалы, – чуть заплетающимся языком, нараспев произнесла Ирина Аркадьевна.

За мужчинами, разумеется, дело не заржавело. В принципиальных вопросах профессора не уступают генералам.

– За что пьём? – поинтересовался Максим Акимович, ибо его фантазия начала давать сбои, хотя, за последние годы службы в свите императора, пить научился за что угодно и когда угодно.

– За тебя, милый! – подошла к нему жена с полным бокалом. – Пьём за ещё одного новорождённого, которому в сентябре исполнилось пятьдесят и ещё один год, – медленно выпила полный бокал и сладко-сладко поцеловала «новорождённого» в губы. Целовала так долго, что у Максима даже закружилась голова.

– Смотри Ирка! От таких поцелуев потом дети появляются, – со смехом предупредила её младшая сноха и подруга.

Женщины были очень дружны, у них было много общего: одинаковое воспитание, одинаковое образование – обе окончили Смольный институт и по возрасту почти ровесницы. Ирине Аркадьевне весной исполнилось тридцать лет, а её подруге – двадцать девять.

Мужья были намного старше.

Хотя квартира брата находилась всего в двух кварталах, домой их не отпустили и оставили ночевать. Благо, места хватало.

Наконец Максим остался наедине с женой. Голова чуть кружилась от выпитого.

У Ирины Аркадьевны голова кружилась много сильнее – она-то не служила в свите императора. Снимая платье, захватила и оборвала нитку бус, рассыпав жемчуг по полу. Рассмеявшись, погасила свет, оставив лишь настольную лампу.

Максим сбросил китель и подошёл к жене.

– Я люблю тебя.

В спешке приезда забыли занавесить окно и круглая жёлтая луна, словно прожектор лучом, освещала женское тело, придавая ему какой-то колдовской оттенок.

Женская фигура казалась нереальной, полной тайны, мистики и любви.

Хмель выходил и Ирина Аркадьевна застеснялась глядеть на высокого, полураздетого, стройного мужчину и, сидя на постели, стыдливо опустила голову, положив руки на колени и прижав локти к бокам, стремясь прикрыть крепкую свою, высокую грудь..., но этим только выставила её на показ и напонила Максиму древнюю статуэтку из слоновой кости, которую видел в музее.

От женской фигуры веяла тонкая аура страсти и стыда, порока и скромности.

Он любовался своей женой как великим произведением искусства, как опытный ценитель и знаток любителю Джокондой Рафаэля.

Ночь была волшебна. Несмотря на позднее время, где-то играл рояль, и казалось, что он играет высоко над ними, даже над землёй. Звуки изнывали от тоски, от любви, от страсти...

– Это ангелы нам играют, – шёпотом, едва касаясь губами её уха, произнёс Максим.

Лёгкий стон слился с волной тихой музыки и долго... долго-долго звучала эта библейская песнь любви...

Поздним утром, в коляске с поднятым кожаным верхом, вдвоём с женой, поехали в собор Петропавловской крепости, отдать последнюю дань уважения умершему императору, тело которого было выставлено в гробу для прощания.

В соборе горели свечи, слышался приглушённый женский плач, тоскливый распев молитв.

По очереди подходили к монарху и целовали икону, вложенную в руки, многочисленные короли и принцы, прибывшие со всех концов Европы в русскую столицу.

Последней, как и тогда, на вокзале, держась за руку Николая, плавно крестясь, медленно шествовала Александра Фёдоровна, и Рубанов увидел, что среди горя и слёз, чёрных священников и траурных лент, она старательно прячет в глазах женское своё счастье.

Он глянул на свою жену и в отблеске свечей, в затуманенной от слёз глубине зрачков, увидел ту же любовь, которую немислимо сейчас показать, но которая существует и только ждёт, чтобы её вызвали из бездонной пропасти глаз, из глубин хрупкой женской души...

Смерть не страшна, коли существует любовь.

Жизнь всегда победит Смерть!

В ноябре, в церкви Спаса Нерукотворного Образа в Зимнем дворце, состоялась брачная церемония.

«Я устала от этих контрастов», – нервно вздыхала Алиса, стоя перед зеркалом в Зимнем дворце.

Она поднимала то одну руку, то другую, помогая сестре Николая, Ксении, своей сестре Элле и великой княгине Марии Павловне одевать её в свадебный наряд.

Непрерывно делая друг другу нарекания, и язвя по-французски, они одели невесту в белое свадебное платье, накинув затем мантию.

Мария Федоровна помогала им советами, в свадебных хлопотах забыв на время об утрате. К тому же сегодня был день её рождения.

«Я устала от русских традиций», – приняла от свекрови сверкающую бриллиантами брачную корону и осторожно водрузила на голову.

Женщины бросились ей помогать и чуть не сбили корону на пол.

«Ну почему, почему не опытные камеристки или даже горничные должны одевать меня, а именно дамы царской фамилии», – раздражённо думала она.

Наконец одевание, с горем пополам закончилось, и усталую невесту повели длинными галереями дворца в церковь, где с радостью и облегчением увидела одетого в гусарскую форму своего суженого.

– Ники! У меня ужасно болит голова, – прошептала она, держа в руке зажженную свечу. Я не думала, что выходить замуж так трудно.

На улице, когда ехали в Аничков дворец, ей стало легче и настроение заметно улучшилось.

«Наконец-то я еду первая!» – с удовольствием разглядывала чего-то орущую толпу по краям улицы.

– Любовь моя, твои подданные рукоплещут и приветствуют тебя, – чмокнул её в щёку, приподняв вуаль, довольный Николай.

Вечером, оставшись наедине с мужем, она растерялась.

– Подожди, подожди, милый Ники, – в шутку отбивалась она кулачками, – я сама расстегну эти пуговицы, а ты, чтобы меня не смущать, лучше принеси свой дневник.

– Дневник?! – опешил Николай. – А может, заменим его шампанским.

– Да, да, любимый, неси дневник и шампанское, одно другому не мешает.

«Наконец-то вместе, на всю жизнь, и, когда кончится эта жизнь, мы встретимся снова в другом мире и останемся вместе навечно. Твоя, Твоя!» – написала она.

Радость душила их. Они целовались и пили шампанское, пили шампанское и целовались...

И ангелы пели им гимн любви...

На следующее утро она записала в лежащем на столике и раскрытом всю ночь дневнике, придавленном пустой бутылкой из-под шампанского:

«Я люблю тебя! В этих трёх словах вся моя жизнь!»

И трагедия! В том, что кроме дневника и мужа, она никому не могла доверить свои чувства и мысли.

В конце ноября, в просторной десятикомнатной квартире Георгия Акимовича, две семьи отмечали сорокачетырёхлетие хозяина дома.

Рубанов-старший не любил друзей своего брата, поэтому профессорский состав Георгий пригласил на следующий день.

– Как там мой племянник? – после поцелуев и поздравлений с уже возникшей любовью к маленькому тёзке, поинтересовался у брата, и всей толпой пошли в детскую, где кормилица пышной грудью кормила дитя.

Тот не отвлёкся на посторонних дядей и тётей, а сосредоточенно посапывая, занимался своим делом.

Пока взрослые сюсюкали, восхищаясь малышом, Аким, с пробудившимся интересом разглядывал полную молока, белую, в голубых прожилках, грудь молодой женщины.

Она, как и её подопечный, не обращала внимания на вошедших, а наклонив голову и держа крупный коричневый сосок между средним и указательным пальцами, кормила ребёнка.

Акиму вдруг стало стыдно, и он опустил глаза к полу, а потом глянул на Глеба – вдруг наблюдает за ним, а после станет дразнить и смеяться.

Но тот, довольный, что родители забрали его в неурочное время на всю ночь из корпуса, смотрел в окно, ожидая, когда поведут за стол. Ему глубоко безразличны были и сопящий розовый карапуз и кормилица, интересовал лишь предстоящий пир, так как поужинать в своей альма матер он не успел.

Наконец взрослые, вдоволь налюбовавшись ребёнком и ведомые Глебом, направились в столовую.

– Господин кадет, – одёрнул его отец, – соблюдайте приличия и не бегите, всех расталкивая, к столу. Вы не в кадетском корпусе.

Но столько любви было в интонациях голоса, что Аким позавидовал брату.

– Надо было и младшего в гимназию отдавать, – поддержал Максима младший брат, – а то вырастит солдафоном.

Максим Акимович еле сдержался, чтобы не наругать имениннику.

– Вы читали в газете фельетон Амфитеатрова? – когда выпили и несколько насытились, спросил «новорождённый», саркастически кривя небольшие усики на гладко выбритом лице.

– А что там? – заинтересовались женщины.

Максим Акимович с безразличным видом занимался куриной ножкой.

«Бурбон! Солдафон! – рассердился его брат. – Делает вид, что неинтересно».

– Описан недавно произошедший случай, – ответил женщинам Георгий Акимович, подставляя лакею рюмку для бургундского. – Слишком холодное! – сделал замечание, отведав вина.

«Сейчас бы мадемуазель Камилла занудливо попеняла, что неэтично воспитывать слугу перед гостями», – спрятала улыбку Ирина Аркадьевна, с любовью наблюдая за своими мужчинами.

Сегодня детей посадили вместе с взрослыми и они, забыв нравоучения гувернантки, отдавали должное обеду, не забывая время от времени, пинать друг друга под столом ногами.

– Мам, а что он.., – жаловалась Лиза на Глеба.

– Глеб! Как тебе не стыдно, – делала замечание сыну Ирина Аркадьевна, и гладила по голове девочку.

– Георгий! Ну ты скажешь, в самом деле, что написано в газетах? – возмутилась, наконец, его жена.

Ехидно глянув на брата, допив до дна рюмку и вытерев губы салфеткой, менторским профессорским тоном произнёс:

– Фельетон озаглавлен «Не всегда тащи из воды то, что там плавает» и повествует нам, как известный гипнотизёр Осип Фельдман, наслаждаясь природой на берегу моря, около Сестроречка, вдруг увидел, что с мостков упал в воду старик в длинном пальто, и кинулся спасать его..., и знаете, кого вытащил из воды?..

– Какого-нибудь пьяного профессора Санкт-Петербургского университета, – облокотился на спинку стула Максим Акимович.

– Нет! Вашего сподвижника и царского наставника, обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, – многозначительно оглядел общество.

– Должна быть и от жидов какая-то польза, – подвёл итог сказанному Рубанов-старший.

– Что значит от жидов? – вскипел праведным гневом Георгий Акимович, холодными серыми глазами разглядывая брата. – И пользы России они принесли не мало... Развивают промышленность и экономику, а сколько их в науке и искусстве...

– А сколько их в террористах и врагах государства?! – невозмутимо глянул на брата добрыми, голубыми глазами Максим Акимович.

Ему не хотелось сегодня споров. Как всё прекрасно прошло в их первую встречу после Ливадии.

Но брат был другого мнения.

– Кого ты имеешь в виду? Договаривай, коли уж начал.

– Да хотя бы Веру Засулич, – вздохнул Максим Акимович: «Не дают сегодня спокойно пообедать».

– Так суд присяжных под председательством Анатолия Фёдоровича Кони вынес вердикт: «невиновна» и полицейская карета уехала пустой, – радостно потёр холёные белые руки профессор, и сам налил в рюмку водки.

– Потому так произошло, что общество наше ещё не готово к введению института присяжных заседателей, – начал заводиться Максим Акимович, чем весьма осчастливил именинника. – Достоевский недаром в «Дневнике писателя» оспаривает многие вердикты присяжных, как незрелые! Им дали право судить, а не оправдывать явных убийц, так как доброта к преступнику есть жестокость к его жертве...

– Да какая же Засулич убийца? Она борец за справедливость... Наказала зарвавшегося от власти петербургского градоначальника Трепова, по приказу которого в тюрьме высекли студента.

– Да этот студент, перепив пива, плясал и матерился на паперти Казанского собора... На что нарывался, то и получил, – злился Максим Акимович. – Что же будет, ежели все начнут в церквях плясать и материться? Должно же быть что-то святое у людей? И печально, когда общество начинает восторгаться террором. Даже не общество в целом, а узкая группа, но в руках этой группы печать – газеты и журналы, и она делает настроение... Я уверен, будь присяжными крестьяне, приговор был бы иной. Ведь писали не о том, что она выстрелила в спину старому человеку, к тому же исполнявшему свои служебные обязанности, а делали акцент на толщине розог, как стонал бедный разнесчастный студент, забывая, за что его наказали. Видя такое потворство, всего через два года, в феврале восьмидесятого, устроили покушение на самого императора Александра Второго, который и проводил реформы. К счастью, государь в этот раз не пострадал, а адская машина, заложенная под полом в столовой, унесла жизни

двенадцати солдат охраны. Это было шестое покушение, а через год эти мерзавцы добились своего... Наш государь погиб! И погиб перед тем..., как хотел дать стране конституцию. Вот после этого покушения Победоносцев и произнёс в Государственном Совете знаменитую свою речь, в коей подверг уничтожающей критике конституционный проект и положил конец либеральным реформам Александра.

Наученные горьким опытом жёны, вместе со своими чадами, ушли в гостиную.

– Люба, как мне надоели эти политические разговоры, – жаловалась подруге Ирина Аркадьевна, – ну почему бы им не поговорить о любви, о цветах, о детях, наконец...

– ... Как только подобные тебе либералы и нигилисты не называют Победоносцева: и Мефистофелем, и вампиром, выпившим всю кровь из либеральных реформ...

– Это самое правильное название, – с довольным видом подтвердил Георгий Акимович, – а ещё – «Кощеем православия», – хохотнул он, плеснув в бокал вина. Разговор очень занимал его. – К тому же он ярый антисемит и автор позорной «черты осёдлости».

– Да какая же это черта, коли, сам говоришь, и в науке, и в искусстве полно евреев... Согласно закону, повсеместно имеют право проживать купцы первой гильдии, лица с высшим образованием и ремесленники... Так что у них богатый выбор, чтоб обойти черту. Ремесленником каждый может стать. Вот и лезут всюду правдами и неправдами как блохи.

– Потому что умная нация! Среди моих друзей профессоров, сколько евреев.

– Вот эти-то жидомассоны и портят студенческую молодёжь... Неужто они станут внушать ей патриотизм и любовь к родине? Отнюдь! По их понятиям, каждый индивид является гражданином мира... У самих-то родины нет! И мы не люди для них, а индивиды...

Славно пахло морозом.

После уроков в гимназии, закинув ранец за спину, Аким неспешно брёл домой.

«Через несколько дней Рождество, – радовался он, останавливаясь у замёрзшего окна часового магазина и с интересом разглядывая сквозь морозные узоры, выставленные на обозрение часы. Обнаружив рядом с дверью магазина рыхловатый снежный сугроб, набросанный утром дворником, залез на него и с удовольствием потоптался.

Рядом пронеслись сани, швырнув в Акима комья снега.

«Хорошо!» – отряхивался он, спрыгнув со своего снежного пьедестала.

Всё радовало его в этот ясный морозный день. Люди шли румяные, улыбающиеся.

Заметив на дороге лихо выбрасывающего ноги рысака, с выпучившим глаза кучером за его серым крупом, он благоразумно отошёл к стене дома, и с удовольствием поглазел, как обсыпанный грязным снегом чиновник, пыхая паром изо рта и ноздрей поболее, чем давешний рысак, потрясал кулаком и грозился подать жалобу полицмейстеру.

«Чего злится? Вот делов-то, отряхнулся и всё, – перебежал дорогу и зашёл обогреться в лавку с вывеской «Певчие птицы». – Надо Глеба сюда привести», – разглядывал многочисленные клетки со скворцами, синичками, канарейками и соловьями.

– Кто жалат послушать взаправдашнего соловья с осьмнадцатью коленцами, вали в эфту комнату, – приглашал молодой, весь в угрях приказчик с масляными на пробор волосами.

«Вчера из деревни, наверное», – сунув ему копейку, пошёл «послушать» соловья.

– Силён, бродяга! – обсуждали птаху двое фабричных. – У нас в трактире не хуже разливается, паразит.

– Особливо в день полочки, – со смехом поддержал его другой.

После птичьего магазина Аким на минутку заглянул в «колониальный» братьев Сапожниковых, и не ушёл оттуда, пока не обследовал прилавки с жёлтыми апельсинами и лимонами,

зелёными яблоками и грушами, не прочёл красочные этикетки на банках с вареньями, не съел купленный кусок пастилы и не выпил фруктового лимонаду.

Затем надолго остановился у витрины охотничьего магазина. Вдосталь налюбовавшись ружьями, подставил подножку запоздавшей гимназистке из Мариинки, за что был обруган горничной, тащившей за девчонкой связку книг. Показал её спине язык, за что выслушал замечание от дамы с влажной у губ вуалью. Показал язык и её спине, за что получил замечание от толстого чиновника и подумал, показывая язык его спине, что так наслаждаться можно до самой темноты, но уже давно пора домой.

«Как маленький стал, хуже Глеба себя веду», – горестно разоблачал неблагоприятное своё поведение, неожиданно врезавшись головой в живот мужика, правившего громадным ломовым жеребцом.

Этот не обругал, а ласково чмокнув губами то ли жеребцу, то ли ему, произнёс:

– Задумались, барчук? Ничаво-о! Быва-а-т! – осторожно обошёл его и щёлкнул по крупу могучего тяжеловоза вожжами.

Тот, напрягшись и позванивая медным набором на чёрной сбруе, тащил огромные сани, доверху наполненные сосновыми и берёзовыми дровами.

Стрелой влетев в дом не с парадного, а чёрного входа, Аким забежал в комнату прислуги, с размаху швырнул ранец на лавку в углу и что есть мочи заорал:

– Ма-а-а-р-фа-а!

Услышав в ответ тонкое дребезжанье:

– Ка-р-ра-у-ул! Люди добры-ы-е-е! Убивают на старости годо-о-о-в...

В мутном, обмёрзшем стекле окошка отразился трясущийся силуэт старичка-лакея, сидевшего на лавке с ранцем в руках.

Скрипнув дверью за спиной Акима, вбежала и зажгла свет дородная пожилая женщина в цветастом фартуке.

– Ох-ты, Господи! Что за шум-то, батюшки. А ты, старый, никак учиться собрался? – глянула на трясущегося деда. – Опять спал на лавке, поди, – забрала у него ранец и положила на стол, предварительно обтерев фартуком. – Сапоги-то все мокрые, барин, и шинелька в снегу. Снимай, сейчас отряхнём. Старый, опорки² мои барчуку достань из-под лавки. Да чего ты всё губой трясёшь и головой дёргаешь? Приснилось что ль чего? Пошли со мной на кухню, – взяла Акима за руку.

На кухне уютно пел самовар, тикали ходики и рядом с печкой спал толстый, под стать женщине, котяра.

– Садись, сейчас чаем с вареньем напою, – обтёрла фартуком лавку.

Вечером, выслушав нравоучения сначала гувернантки, а затем матушки, Аким учил уроки, размышляя попутно, что в будущем, неплохо бы стать ямщиком... Катай себе людей в пролётке и латынь зубрить не надо. Покрикивай на коней: «Э-эх, мать-перема-а-а-ть, залётны-я-я! Тудыть вашу в оглоблю, в копыто ма-а-ть... Здорово!» – аккуратно записал услышанное днём выражение – может, сгодится когда.

Император в этот вечер тоже засиделся за бумагами.

«Вот же бюрократы, натащили сколько, ничего без батюшки-царя не могут», – зевая, читал документ и, по-детски почесав ручкой затылок или нос, писал на полях резолюцию, чтоб видели, сатрапы, царскую работу. На рапорте полицмейстера о злоупотреблениях чиновников

² Изношенные валенки, с отрезанными по щиколотку голенищами.

пометил: «В семье не без урода». На сообщении министерства финансов о сумме с продаж водки: «Однако». О забастовке на фабриках: «Милые времена».

Почёсывая ухо, Николай думал, чтобы такое-этакое написать, дабы переплюнуть кузена Вилли, который при встрече хвалился ему своими, как он считал, ужасно остроумными резюме: «Тухлая рыба» встречалась наиболее часто, не уступали ей по интеллекту замечания: «Чепуха», «Чепуха собачья», «Мошенники», «Грязные мошенники», – о французах. «Типичный восточный ленивый лжец», – как бы, не обо мне. «Вероломен, как француз».

Любимая сидела в это время в соседней комнате Аничкова дворца, где они жили после свадьбы, и упорно учила русский язык.

Услышав, как его жена чего-то уронила на пол, он отодвинул «собачью чепуху» на край стола и направился в её комнату.

– Аликс! – обратился к ней, доставая из портсигара папиросу и поправляя ремень на простой холщовой рубахе народного покроя. – А не одеть ли нам придворных в костюмы прапрадеда моего Алексея Михайловича... Только не говори сразу – чепуха собачья.

Ники! – задумалась она над предложением, с удовольствием разглядывая запровленные в сапоги мешковатые штаны супруга. – Прекрасно выглядишь, Ники. Как русский мужик.

– И ты тоже, любовь моя. Тебе так идёт этот русский сарафан, – сделал комплемент, выпустив душистый клуб дыма.

– Константин Петрович посоветовал переделать столовую, вернее, трапезную, под старину, – выдвинула царица встречное предложение. В такой обстановке и русский язык будет легче даваться.

– А что? – загасил в пепельнице папиросу Николай. Это же превосходно! – в волнении заходил по комнате, растирая ладонями виски. – А давай начнём с опочивальни? Представляешь, родная, расписанные русскими узорами стены, стулья из кремля выпишем и кровать под балдахин. В такой обстановке точно сын родится...

– Тогда, конечно, давай. А что такое опочивальня, Ники?

– Спа-а-льна-а-я, – растягивая слово, подошёл к жене, прижал к себе и поцеловал в губы.

Снежным вечером, перед самым Сочельником, Максим Акимович повёз семью кататься на санях и, уже намереваясь ехать домой, чуть не столкнулся с летевшими навстречу небольшими санями.

Только собрался обругать нерадивого кучера, как слова застряли в горле... Кучером был сам государь, в шубе на бобрах и высокой боярской шапке. Позади него, прикрыв ноги медвежьей полостью, барыней развалилась Александра Фёдоровна в собольей шубке и белой меховой шапке.

От самодержцев за версту веяло семнадцатым веком.

«Сочельник. Завтра Рождество. Вот славно-то! – Аким проснулся пораньше. – Вакации³. В гимназию идти не надо. А в соседней комнате спит брат. Целую неделю будем вместе». – Вытащив из-под кровати заранее припасённый барабан, прокрался на цыпочках в спальную Глеба и, набрав как можно больше воздуха в лёгкие, простуженным быком заревел: «Р-р-рота-а! По-о-дъё-ё-м!» – и, что есть дури, стал колошматить в барабан.

Проснувшийся, но не раскрывший глаза Глеб шарил рукой по полу.

«Сапог ищет», – выбежал из комнаты Аким и увидел у стены трясущегося, как заячий хвост, старичка-лакея с новым гимназическим мундиром в руках, а неподалёку от него державшуюся за сердце мадемуазель Камиллу.

³ Каникулы.

Высочивший с сапогом в руке Глеб сразу простил брату утреннюю побудку, с удовольствием разглядывая потерпевших.

– В гимназию собрались, дедушка, – ласково поинтересовался он, пожимая руку Акиму.

– Мсье Руба-а-анов! – наконец пришла в себя гувернантка. – Вы становитесь таким же несносным, как и ваш кадетский братец. Казалось бы, что вы должны влиять на него в положительную сторону. Мадам Светозарская...

Аким вежливо расшаркался с нравоучительницей, поклонился старичку-лакею, приняв из его дрожащих рук форму, и забросив барабан за спину, гордо удалился к себе, услышав вслед:

– Папа' велели вам собираться, поедете с ним на рынок...

Умывшись, одевшись и на скорую руку попив чаю, братья побежали к каретному сараю наблюдать величественную картину запряжки в сани трёх вороных рысаков.

Молодой, под потолок, но с жидкой бородёнкой конюх, в красной рубахе и жилетке, с озорством притопывая ногами в валенках, открывал створу крашенных в коричневый цвет ворот. Другую створу, кряхтя и добродушно матюжась, открывал закутанный в тулуп и шапку до глаз, сторож.

– Пахомыч, ходчей отворяй! – хрипато советовал сторожу похмельный дворник в когда-то белом фартуке на измызганном коротком пальто.

– Да иди ты, Власыч, – вежливо посылал приятеля такой же похмельный сторож. – А то как пальну из берданы.

– Испужа-а-а-л! Метлой-то шваркну, куды пердана полетит, куды ты.

– Дядя Влас, отойдь, зашибу, – выкатил из сарая сани конюх.

– Ай да здоров! – с опаской попятился Влас Власыч. – Ванятка могё-ёт. Враз зашибёт, чертяка.

Ребята, отойдя немного в сторону, наслаждались церемонией, разглядывая висевшие в полумраке сарая на железных крюках хомуты и сбрую из тонких ремешков с серебряным набором, которую, встряхнув, взял Иван и понёс в конюшню.

Мальчишки побежали за ним и расположились по сторонам раскрытых ворот, из которых исходил тёплый лошадиный запах.

Вот заржал жеребец и затопал по деревянному настилу.

– Посторонись! – вывел его на улицу Иван, и любовно оглаживая и похлопывая по крупу, привязал ремнём к кольцу, привёрнутому к кирпичной стене сарая. – Ближко не подходи, – предупредил ребят, направляясь за вторым рысаком.

Последним вывел постоянно фыркавшего и танцующего коренника.

– Тпр-у-у! Дьявол! – любовно оправлял гриву конюх. – Не балу-уй! – железной рукой стал запрягать коней.

В эту минуту из людской вышел кучер в треухе с тёмно-зелёным бархатным верхом, в чёрных, под стать коням, валенках и бархатных зелёных шароварах.

– Хоро-о-о-ш! Хорош собака! – хвалили его собутыльники, опираясь один на метлу, другой на бердану.

– На коней не дышите, чуды! – ухмыльнулся кучер, выставляя грудь в шёлковой зелёной рубахе.

– Пяту-у-х! Ну, чистый пятух, – с завистью плевались мужики, пока тот хозяйским глазом окидывал расчёсанные лошадиные хвосты и гривы.

– Поспешай! – подстегнул конюха, который опрометью выбежал из людской, таща в руках целый тюк одежды, и начал облачать своего начальника в широченный и толстый зелёный ватный кафтан, постепенно превращая худошавого кучера в огромного, под стать себе, тяжело-веса.

Застегнув сбоку круглые чёрные пуговики, принялся обматывать его длиннющим белым кушаком.

– Как ребятёнок в зыбке, – сделали однозначный вывод друзья-собутельники.

– Пошли отселева, пока конями не стоптал, – миролюбиво посоветовал им кучер, усаживаясь в узкий передок и с помощью Ванятки вставляя ноги в ременные стремена и оправляя полы кафтана.

– Тп-р-р-у-у! Черти! – ласково увещевал коней.

Ребята, забыв всё на свете, любовались кучером и упряжкой.

Рысаки плясали, привязанные длинным ремнём к кольцу.

Минуту стояла торжественная тишина, пока кучер, сняв шапку, истово крестился. Затем, надев белые рукавицы и поелозив, ища удобства, задом, он спросил:

– Ну что, Ванятка, всё готово?

– Усё! Архип Ляксандрыч.

– Ну, тады пушай! – велел кучер, натягивая вожжи.

Иван отстегнул ремень от удил и жеребцы резко рванули вперёд, храпя, дико кося глазами и пуская клубы пара из ноздрей.

– Чисто звери! – разбегались в стороны работники метлы и берданы, а ребята со страхом прижались к стене.

Но сдерживаемые опытной рукой жеребцы перешли на лёгкий танцующий шаг и, проехав под аркой, вынесли сани к парадному подъезду.

Догоняя их, запрыгнул на полозья Иван. Следом бежали мальчишки.

Одетый в новенький, пахнущий овчиной тулуп, братьев уже ожидал отец.

Ребята просто рты открыли от такого его вида.

Тот, не обращая на них внимания, поочерёдно оглядел коней, белую сетку, прикрывавшую крупы и хвосты, гладко расчёсанные гривы, медвежью полость на санях, кучера, Ивана и, наконец, своих детей.

–Что-то больно чисто оделись, – сделал им замечание.

Мальчишки, ничего не поняв, переглянулись и уставились на появившуюся из дверей мать. Следом за ней плёлся удивлённый денщик.

– Слушайте папу, – не совсем уверенно произнесла она, – хотя он сегодня со странностями, – крестила отправляющийся экипаж, слыша издали голос мужа: «Прощевайте, матушка-боярня...».

Как знаток и бывший приказчик, по рынку их водил денщик, прибывший вмечте с Иваном на других санях, предназначенных для поездок на базар кухарки, а иногда и самого повара.

– Куды, куды со своими салазками прёшь, дура, – орал он на укутанную почище кучера, в ватник и шаль, бабу с мешком за плечами. – Нос платком закрывай, а глаза-то зачем?! – учил тётку уму-разуму Антип, расправляя короткие свои усики и раздумывая, чего это вдруг генерал на базар попёрся и чего ему тут надо.

А барин с удовольствием прислушивался к людскому говору, стараясь запомнить понравившиеся слова.

– Чистое светопреставление ноне! – ответила денщику баба, с трудом сдвинув санки.

– Морозит-то как нынче! – обстукивал себя руками и приплясывал продавец рябчиков. – Господа-а! Покупай птицу-у. Тонкий вкус, упитаны как молочные поросята, а во рту таю-ю-т.

– Разбира-а-ай рябцов и тетёрок, из самой Сибири-и, – горланил рядом с ним другой продавец. – Ах ты, чёрт, упырь окаянный, – схватил за плечо воришку, но тот ловко вывернулся, попутно куснув продавца за палец. – Пушай разговееется, аспид, добродушно ворчал мужик, но руку-то грызть зачем.

Зашли в просторную лавку. Здесь продавали свиней.

– Покупай на заливное молошничко-о-в, – предлагали покупателям двое бедовых приказчиков в вылинявших лисьих полушубках.

После пошли по рядам, слыша со всех сторон:

– Покупай индеек, уток, кур, гусей...

Снег под ногами был затоптан и грязен. Чистым ковром блестел он лишь на крышах лавок, сверкая под лучами яркого зимнего солнца.

– Заходи в лабаз, покупай морошку и квас, – тонким фальцетом вопил хозяин овощной лавки, изо всех сил стремясь переорать горластых продавцов птицы.

Миновали лавку с белыми сахарными головками и наведались к продавцу шуб – аристократу рыночной торговли.

Торговался с ним Антип, стремясь подешевле купить понравившуюся

Рубанову шубу на хорях. Максим Акимович стоял рядом и шевелил губами, запоминая народные выражения.

Днём поспали и поздним вечером пошли ко всенощной. Добирались пешком.

– Максим Акимович, как ты себя чувствуешь? Голова не беспокоит, – задавала мужу наводящие вопросы Ирина Аркадьевна, держа за руку детей.

За ними толпой плелись: денщик, повар, швейцар и замыкал шествие старичок-лакей.

Народу в церкви – не протолкнуться.

Празднично одетый городской люд крестился на иконы и ставил свечи.

«Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разума», – затянул хор, и в душу стоявших рядом аристократов и простонародья одинаково хлынула любовь и радость.

На следующий день у Аничкова дворца было тесно от карет на полозьях и саней. Высший свет пришёл поздравить своего императора.

Приёмная дворца сверкала от орденов, эполет и бриллиантов.

Вот сюда-то в своей боярской шубе на хорях и запёрся Максим Рубанов. Под расстегнутой шубой поражённое общество не увидело генеральского мундира, а скрывая усмешки, и многозначительно глядя друг на друга: «Совсем, мол, сбрендил, сердешный», – заметило шёлковую розовую рубаху, подпоясанную пояском с кистями и заправленные в хромовые сапоги лиловые бархатные штаны.

Каково же было их удивление, а точнее, изумление, когда император с супругой, в первую очередь, раздвинув министров, подошли к какому-то там несчастному генералишке, и поклонились ему в ответ на старинный русский поклон, с подмахиванием у колена рукой.

«Как он ловко поклонился государю с государыней, сбросив на пол свою шубу. Вот молодец! Догадался. Праздник-то народный», – тут же изменилось общественное мнение.

Товарищ⁴ министра внутренних дел Сипягин, вызвав в кабинет своего агента, купленного с потрохами камер-юнкера, всё у него расспросил, наорав при этом, почему не доложил, что император переделывает столовую и спальную под семнадцатый век.

«Ну, Рубанов! – думал он. – Всех перехитрил. Вот бы мне такого информатора... Но генерал богат, к тому же числился в приятелях у покойного государя», – велел вызвать к себе чиновника для поручений и приказал тому хоть из-под земли достать мастеров и отделать свой кабинет и столовую под боярские хоромы, а ему купить настоящую боярскую шубу с длинными рукавами и высокую боярскую шапку.

Год подходил к своему завершению.

⁴ Заместитель.

Балов в Зимнем не давали – траур.

В последний день года, к зависти даже великих князей, не говоря уж об остальных сановниках, царь удостоил Рубанова ужином в тесной семейной обстановке.

Перед пылающим камином сидели втроём за небольшим столом.

Царица была одета в сарафан, а государь с Рубановым в шёлковые рубахи и бархатные штаны.

Пили старинный дедовский мёд из деревянных жбанчиков и беседовали.

– Не тот нонче мёд делают... Не тот! – отхлёбывал напиток Максим Акимович, радуясь в душе, что случайно прочёл в календаре статейку о старинном русском напитке. – В древности у наших пращуров был ставленный мёд... Смешивали две части мёда с соком ягод. Обычно брусники, малины или вишни, и ставили бродить, – увлёкся рассказом, видя, как внимательно слушают его государь с государыней. – Затем несколько раз переливали, и в засмоленных бочках зарывали в землю на пятнадцать, двадцать лет. Это самое меньшее. Когда ваш батюшка венчался на царство, – перекрестился Рубанов, – гостей угощали трёхсотлетним мёдом. Больше такого не осталось... Я пробовал, – похвалился он.

Обсудили вкус мёда, и слово взял чуть захмелевший император:

– Слава Богу, самое страшное, чего я боялся смолоду – позади, – рассуждал Николай. – Я перенёс смерть папа и восхождение на престол... Зато в этом году судьба подарила мне жену, – нежно улыбнулся Александре Фёдоровне. – О таком счастье я не смел даже мечтать.

Рубанов стал нарасхват.

После государя его с женой пригласил Дмитрий Сергеевич Сипягин, которого близко свёл с Максимом Акимовичем генерал-лейтенант Черевин.

Государственные мужи в алых шёлковых рубахах пили рейнтвейн и шампанское. Между делом товарищ министра, а по совместительству и Рубанова, хитро выуживал информацию.

Умаялся нонче, страсть! – жаловался Максиму Акимовичу. – Всё в делах копаюсь.

– Знамо дело! Должность такая. Государь просто бредит семнадцатым веком. Отвлечься от смерти папа хочет, видимо.

– Занятно-с! – задумался Сипягин, закуривая папиросу «Континенталь», и вдруг помчался к телефону и стал кому-то названивать. – Ну как апартаменты? Зачали работать? Эдак, эдак... С лесов навернулся? Так ему и надо, понеже, Бог шельму метит, – довольный, бросил трубку.

– Не апартаменты, ваше превосходительство, а хоромы, следует говорить, – поправил его Рубанов.

Жёны с удивлением слушали мужские разговоры.

Через несколько дней Сипягин удумал созвать «посиделки боярышень». Дам высшего света пригласила его жена. Общество уже поняло, откуда ветер дует.

Посиделки дамам понравились. Ежели на балах нельзя посплетничать, так хоть здесь.

– Однава как-то попала в царские палаты и зело удивилась, когда узрела хоромы ихние... Всё в стиле Алексея Михайловича, прозванного «Тишайшим», – произнесла хозяйка дома, Александра Павловна, урождённая Вяземская, внучка знаменитого поэта, поправляя плечики сарафана и сверкая многочисленными камнями в ушах и на пальцах.

– Фу-у, взапрел-ля-я! – обмахиваясь веером, произнесла графиня Борецкая, трясая серьгами с алмазами.

– Ольга Дмитриевна, душечка, следует говорить не на французский манер – взапрел-ля-я-я, – поучала её внучка поэта, – а по нашенски, фу-у, взапрела. С ударением не на последний, а на предпоследний слог.

Дамы шумно хлебали чай с блюдец.

- Почём нонче свекла'? – поинтересовалась княгиня Извольская.
- Вы, матушка, всех сразили вопросом, – польстила ей хозяйка.

Николай учился править огромной своей вотчиной – Российской империей.

17 января ему предстояло держать речь перед депутацией от земств и городов. За день до этого, волнуясь, он читал текст, подготовленный Победоносцевым, перед небольшой группой приближённых.

– Так точно, Ваше величество, – воскликнул присутствующий здесь Сипягин. – Речь великолепна! Либералы, особенно из Твери, поймут, что никакой конституции не будет...

– Рубанов! – обратился к Максиму Акимовичу государь. – У вас хороший почерк. Перепишите покрупнее, и я снова положу текст в шапку, – попросил император.

После того, как он выполнил просьбу, и приближённые покинули царские хоромы, Сипягин панибратски толкнул Рубанова в бок.

– Господин генерал, изреките что-нибудь такое-этакое из старины, – просительно глядел на Максима Акимовича.

«Я уже стал экспертом», – вырос в своих глазах Рубанов.

– Извольте-с! Однова как-то читал старинную книгу, оказывается, в древности январь писали – «еноуар», и для пояснения прибавляли «рекомаго просинца». Просинец, ваше превосходительство, означает – светлеющий, то есть время, связанное с первоначальным возрождением солнца. Звали его так же лютовой, сечень.

– Рубанов, вы умнее академика! – записал карандашом сказанную дребедень Сипягин.

– Знамо дело! – попрощался с ним Максим Акимович.

Речь императора сошла благополучно.

Особенно сановникам понравилось, как государь твёрдо произнёс:

– Мне стало известно, что в последнее время, в некоторых земствах, – глянул на делегацию из Твери, рядом с которой Сипягин поставил двух своих филёров, – слышны голоса людей, увлечённых бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления. Бес-с-мыс-с-лен-н-ыми! – подчеркнул, подняв палец, государь.

Максиму Рубанову в следующем месяце пожаловали чин генерал-лейтенанта, и назначили командиром гвардейской кавалерийской дивизии.

В начале февраля Рубанов устроил званый ужин. Банкетный зал первого этажа был полон гостей. На этот раз Максим Акимович сидел за столом в сшитой на заказ новой форме с генерал-лейтенантскими эполетами и при всех орденах. Кроме военных, одним из почётных гостей являлся Сипягин.

Большинство присутствующих нарядились в народные одежды, но руки и шеи дам сверкали драгоценностями. Вечер прошёл прекрасно и благолепно. Максим Акимович поразил высший свет ткацким станком, выставленным в гостиной.

– Жена учится, – скромно произнёс он, наблюдая за Сипягиным.

«Обзавидуется теперь», – ликовала его душа.

«Какой догадливый этот Рубанов, – плотоядно разглядывал станок Дмитрий Сергеевич, – как было прекрасно, ежели бы он служил по нашему ведомству».

Размышляя о станке, Сипягин крупно проиграл в карты и уехал пораньше.

Дамы, сидя в гостиной, сплетничали напропалую:

– Вчерась видала императрицу – мать. Марья Фёдоровна мчалась в санях, запряжённых тройкой, с бородатым казаком на облучке, – косилась на ткацкий станок графиня Борецкая.

– Бедная женщина. Поди, тяжело ей с невесткой, – пожалела вдовую императрицу баронесса Корф.

– Весьма высокомерная особа! – поддержала подругу княгиня Извольская. – Ходят слухи, – понизила она голос, – что Марья Фёдоровна совершенно не ладит с «дорогой Аликс», как называет она невестку, – частила скороговоркой княгиня, округлив глаза, – а та ревнует мать к сыну и пытается их посорить... Представляете. Не успела ещё короноваться, а уже требует у «дорогой мама» фамильные драгоценности. Ужас!

Проводив гостей, братья остались одни.

– Какая теперь у вас должность, господин генерал-лейтенант?

– Я царский сокольничий! – устало курил Рубанов.

– А может, псарь? Это большое продвижение по службе.

– Георгий, – обиделся Максим, – ты очень грубо шутишь.

Весь февраль и март Рубанов знакомился с дивизией, состоящей из четырёх лейб-гвардейских полков: конно-гренадёрского, уланского, гусарского и драгунского. Он быстро разобрался, вспомнив свой боевой опыт, что кавалеристы весьма сильны в манеже, но абсолютно теряются в полевых условиях на пересечённой местности.

Собрав командиров полков и старших офицеров, держал перед ними речь без шпаргалки в шапке:

– Господа! Вы совсем запустили работу в полевых условиях. Ваши полки должны работать в любую погоду. Кавалерист обязан не только скакать на коне, но также рубить и стрелять... Ваши офицеры, господа, недооценивают важность стрелковой подготовки. Обращаюсь к вам с настойчивой просьбой и приказываю побольше заниматься с вверенными подразделениями рубкой чучел и стрелковой подготовкой... Вы должны одинаково прекрасно владеть огнестрельным оружием, саблей и конём. Только после этого мы сумеем бороться с любым противником. Свободны, господа!

– С кем он собрался воевать? – вытирал платком потный лоб командир гусарского полка.

– С ветряными мельницами, наверное, – захохотал драгунский полковник.

– Недаром Александр Третий выбрал его в приятели, – одёрнул друзей уланский полковник, – Рубанов боевой офицер и прошёл русско-турецкую кампанию. Советую вам отнестись внимательно к его просьбе.

В мае, раздражённая своей невесткой Мария Фёдоровна покинула Россию, уехав отдыхать к себе на родину, в Копенгаген.

Довольная этим Александра, с царственным своим супругом, отправились на лето в Петергоф.

Ещё более довольный Рубанов-старший, поселив семью на даче под Петергофом, с рвением занимался служебными обязанностями.

– Господа офицеры, вы должны подготовить из кавалериста достойного бойца, способного в любой обстановке решать поставленные задачи, – казённым языком вразумлял подчинённых, и показывал им, как надо рубить не только стоящих чучел, одетых в германскую военную форму, но и сидящих и даже лежащих.

«Я ещё ничего, в форме, – стирал белоснежным платком пыль с влажного лица, – троих сумею одолеть».

Иногда брал своих детей, чтобы те наблюдали работу русской конницы.

Глеб просил у отца «рубануть чучелку», а Аким любовался зеленеющим вдали лесом.

Георгий Рубанов на лето увёз семью в Ромашовку, и там, на природе, занимался историей и философией.

Дмитрий Сергеевич Сипягин остался в Петербурге, и с упоением изучал древние славянские языки: поелику, иже, лепота, целую неделю ломал голову над словом «бьяше». «Что за «бьяша» такая? И спросить стыдно. Товарищ министра, скажут, а русского языка не знает. Эх – тужил он, – был бы рядом Рубанов, тот бы объяснил, – оглядываясь по сторонам, доставал из сейфа «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, и с удовольствием читал: «Чудище обло, озорно, стозевно и лайя...» – Господи! Как раньше люди писали хорошо...».

Осенью Рубанова пригласили в Царское Село, где молодой государь с государыней обживали первый настоящий свой дом – Александровский дворец.

Здесь только он узнал, что императрица ждёт ребёнка.

В начале ноября, когда начались роды, пушкари в Кронштадте и Петербурге спали возле орудий, ожидая приказа о салюте в честь появления наследника.

Тремястами залпами должны были они приветствовать мальчика.

Но родилась девочка, великая княжна Ольга, которую приветствовали сто одним выстрелом, согласно этикету двора и давней традиции.

Прошёл год с момента воцарения Николая Второго, закончился и двенадцатимесячный срок траура.

Декабрь 1895 года гудел от балов и увеселений. Император с императрицей давали свой первый Рождественский бал.

К восьми вечера Рубанов с женой подкатили к сверкающему огнями Зимнему дворцу.

Максим выглянул из кареты.

– Архип, поближе нельзя, что ли, подъехать? – недовольно обратился к кучеру, оглядываясь по сторонам. – Понаехало всяких капитанишек, – бурчал он, подавая руку жене.

– У этих капитанишек, как ты изволил выразиться, милый, родители князя, – благосклонно кивнула молоденькому офицеру, вытянувшемуся перед Рубановым.

– Лейб-гвардии уланский полк?! – козырнул на приветствие поручика Максим.

– Так точно, ваше превосходительство! – бодро отрапортовал офицер, с грустью думая, что за нелёгкая столкнула его с командиром дивизии.

– Чучел-то рубите? – поинтересовался Рубанов, под фырканье жены. – Ну ладно, свободны пока, – милостиво отпустил кавалериста.

– Максим, то-то теперь разговоров о тебе будет в юной офицерской среде... Чу-у-че-е-л-то р-руби-

те-е? – басом произнесла она, давась от смеха. – Бурбонище ты мой, – нежно поцеловала мужа в щёку.

– Ещё одно слово и пошла бы домой рубаху за станком ткать, – повёл жену к парадному входу Максим, по пути раскланиваясь со знакомыми.

Отдав шинель и шубу лакею, Рубанов огляделся в зеркало и полюбовался отражением жены, поправлявшей причёску и складки на платье.

Занятие это затянулось надолго. Потом она целовалась с княгиней Извольской и баронессой Корф, пока Рубанов обменивался рукопожатиями с их мужьями.

– Пошли, – шепнул на ушко жены, снова повернувшейся к зеркалу, – уже церемониймейстер со своим посохом тащится, – вновь рассмешил супругу.

Быстро поднялись по устланной ковром беломраморной лестнице и остановились у огромного зеркала.

«Из огня да в полымя», – вздохнул Максим, трогая ствол пальмы, стоявшей в кадке. – А вон на дереве обезьяна, – отвлек жену от огромного и такого притягательного зеркала.

Ровно в 8 часов 30 минут вечера вальжный церемониймейстер брякнул три раза об пол чёрным посохом с двуглавым орлом и громогласно объявил в наступившей тишине:

– Их Императорские Величества!

«Всё как при Александре», – склонил голову в поклоне Максим Акимович, а его жена, вместе с остальными дамами, сделала реверанс.

В этот момент тяжёлая дверь Гербового зала открылась и вышли Николай с Александрой Фёдоровной. За ними парами выстроились остальные члены царской семьи.

«Наконец-то я первая!» – с трепетом подумала императрица, с замиранием сердца открывая бал.

Оркестр заиграл полонез.

«Как там моя дочка», – думала царица, со скукой ожидая, когда закончатся танцы.

– Как вызывающе одеты некоторые дамы, – стоя в окружении фрейлин, оглядывала танцующие пары.

Сама танцевать не хотела.

– При дворе моего отца так не одевались, – указала веером на смелое декольте графини Борецкой и послала фрейлину сделать ей замечание.

– Мадам, – краснея за императрицу, произнесла фрейлина, – Её величество послали меня сказать вам, что в Гессен-Дармштадте не одеваются подобным образом.

Сгорая от любопытства, к беседующим дамам подошла Мария Фёдоровна.

Увидев рядом с собой вдовствующую императрицу, Ольга Дмитриевна одёрнула платье, выставив свою пышную грудь до самых сосков.

– Пожалуйста, передайте её величеству, – победно оглянулась вокруг, – что у себя, в России, мы одеваемся именно таким образом, и я не в том возрасте, чтоб меня учить одеваться...

– Bravo! – захлопала в ладоши Мария Фёдоровна, с иронией посмотрев на «милую Аликс».

«Общество явно ценит меня больше», – подумала она.

Целую неделю графиня упивалась славой.

Так прошёл 1895 год.

Никто, кроме нескольких жандармов, не обратил внимания на то, что в декабре был арестован двадцатипятилетний юрист Владимир Ульянов, брат казнённого Александра Ульянова.

Новый год Рубановы встречали вчетвером, если не считать прислуги и детей. Праздновали в квартире старшего брата.

– Ну, расскажи, расскажи Иринушка, как прошёл первый приём дам высшего света, – с завистью выспрашивала подробности Любовь Владимировна. – Георгий Акимович, ну почему ты не генерал, а какой-то там учёный, – злила своего мужа.

– Зато я умный! – гордо отвечал супруг. – И нечего так саркастически улыбаться, – набрасываясь на брата, – думаешь, я не вижу?

Однако с не меньшим, чем жена, интересом слушал рассказ Ирины Аркадьевны.

«Пригодится в разоблачении режима», – запоминал малейшие детали профессор.

– Наша царица, по моему глубокому убеждению, Максим, закрой уши...

– И глаза, – вставил из вредности Рубанов-младший.

... – хоть и целомудренна, но не получила в своём нищем герцогстве достойного воспитания...

– Скорее, слишком высоко и быстро вознеслась, – поддержал рассказчицу Рубанов-младший.

– Я уже иду звонить Сипягину, – выпив залпом рюмку водки, предупредил всех Максим.
– Ну, хватит вам, давайте Ирину послушаем, – разняла братьев Любовь Владимировна.

Переждав шум и перепалку, рассказчица продолжила:

– Рот от волнения сжат. Улыбнуться не может или не хочет, сказать комплимент не находит нужным... Буркнет какое-то формальное приветствие, протянет руку для поцелуя и оглядывает шеренгу дам – много ли ещё осталось. Всё это, несомненно, показывает, что приём ей в тягость, и она ждёт не дожждётся окончания церемонии.

– Ири-и-ина-а Аркадьвна-а, вы не правы-ы-ы, – нараспев произнёс Максим Акимович, – просто царица шокирована поведением некоторых светских львиц. Слышал однажды, как она произнесла: «Головы молодых дам Петербурга не заняты ничем, кроме молодых офицеров».

– И генералов! – закончила Ирина Аркадьевна.

– Генералы защищают Русь-матушку от Запада, – высказал своё мнение Максим Акимович и глянул на брата.

– Мы видим, как живёт Запад, а что Россия? Россия отсталая страна, – перебил старшего младший брат.

– Россия – великая держава. Просто она идёт своим путём. Вспомни, Георгий, этого баламута, Герцена. Не успел помотаться по границам, как пережил глубокое разочарование и восстал против западного мещанства. Оказалось, что средневекового рыцаря заменил лавочник... В русском мужике он видел спасение от торжествующего мещанства.

– А ты вспомни Чаадаева: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть ещё более прекрасное – это любовь к истине... Не через родину, а через истину ведёт путь к небу». Я тоже по-своему люблю Россию, но вижу, что народ наш ленив и необразован.

–А в то же время, поди, глянь на дворцы, которые он возвёл, и вспомни наших художников и писателей...

– Народ наш жесток и буен...

– Вот община и сдерживает эти черты, призывая к доброте.

– Народу нашему присущ национализм и самохвальство...

– И всечеловечность... Хотя и в национализме не вижу ничего плохого. Просто народ уважает себя. Мы – народ откровений и вдохновений! Мы обращены к бесконечности и будущему. Душа наша необъятна и безгранична, как широка и безгранична наша Земля.

– Максим, да ты поэт! – даже привстал с кресла Георгий.

– Просто я люблю РОССИЮ!

«Отгосковав» двенадцатимесячный траур, высший свет с Рождества и до Великого поста кружился в танцах на балах, посещал концерты, балеты, оперы, с частных приёмов шли на банкеты, с банкетов на ночные ужины.

Лишь царская чета почти никуда не выезжала из Александровского дворца в Царском Селе. Им было хорошо втроём с дочкой.

Молодая мать сама купала ребёнка, пела перед сном колыбельные песни, словом, наслаждалась своим материнством.

Полная счастья, она нарушала этикет двора, не приглашая к чаю великих князей и царских тётушек.

Особенно недовольна была царская сестра Ксения.

– Представьте только, – жаловалась своим дядькам, – меня, какая-то там провинциальная немка, не пускает к брату...

Дядьям такой расклад вещей не понравился.

С наступлением Великого поста, они без приглашения приехали в Александровский дворец.

Племянник только закончил чтение официальных бумаг и, не имея секретаря, сам заклеивал конверты. Услышав топот ног, глянул в календарь ежедневных встреч – на сегодняшний день аудиенций никому не назначено.

«Кто же это может быть?» – не успел подумать, как в кабинет влетели двое стоявших на посту часовых и грохнулись на пол. Следом ввалились любимые дядюшки.

Старший из них, Владимир, командир гвардейского корпуса и президент Академии Художеств, без всякой гнилой дипломатии долбанул кулачищем по столу и генеральским голосом рявкнул:

– Ники! Разрази тебя гром. Что ты как старый дед сидишь во дворце?

– А что я должен делать, дядюшка? – удивился государь.

– Да хотя бы принять парад.

– И посетить со мной банкет, – встрял в разговор Алексей, необъятных размеров мужчина, обжора и бабник, а по-совместительству – генерал-адмирал российского флота.

– Либо приехал бы ко мне в гости, поглядеть, что делается к твоей коронации, – наседали на царя третий из дядюшек, Сергей, генерал-губернатор Москвы и муж великой княгини Елизаветы или Эллы, старшей сестры государыни.

И лишь четвёртый дядя, Павел, всего восемью годами старше Николая, стоял молча, и ласково улыбался.

Этот вечер, к недовольству своей супруги, провёл на банкете вместе с дядьями, а через три дня, сидя верхом на белой лошади, не замечая от удовольствия мороза, отдавал честь на параде идущим мимо него войскам.

Весной, в мае, он собрался в Москву, венчаться на царство.

Согласно нерушимой традиции, царь мог въехать в Первопрестольную лишь за день до коронации.

Николая лихорадило от волнения, а Москву – от приезда государя.

Великий князь Сергей Александрович вызвал полицмейстера. Перед ним лежали на столе три брошюры, изданные Коронационной канцелярией: «Церемония коронации», «Положение об отпуске довольствия воинским чинам при командировании в Москву по случаю священного коронования И.И.В.» и «Расписание с 6 по 26 мая 1896г.».

«Надо себя распалить, – размышлял генерал-губернатор, – а то когда с этим народом спокойно говоришь, ни черта не понимают... Ну вот – И.И.В. Не могли полностью напечатать», – схватил расписание и стал им колотить по крышке стола:

– Чтобы дворники всё вычистили, москвичи флаги повесили, и лично проследи за строительством буфетных ларьков на Ходынском поле. Исполняй! – что есть мочи, рявкнул напоследок для острастки, отпуская полицмейстера.

Господин полицмейстер, получив, кроме взбучки, копию расписания, вызвал к себе участковых приставов и, подражая великому князю, тоже нагнал на них страху, разъяснив популярно, с помощью доходчивых русских слов, что сейчас они приставы в Москве, а могут стать урядниками в Тьмутаракани.

Участковым приставам ехать в Тьмутаракань задрипанными урядниками ужас как не хотелось, поэтому они всё очень доходчиво объяснили надзирателям: «Сейчас, мол, Щукины дети, вы надзиратели, а если что ни так, за вами, поганцами, в Сибири надзирать станут...».

Надзиратели в точности довели начальственную мысль до городских: «Смотрите, сукины сыны, ежели шо!.. Сделаю с вами то.., даже хуже, што Бог сотворил с черепахой... Усё поняли, черти продажные. Так и знайте, ото всего вашего гнилого организма останется задница.., и при ней – уши, шоб тоже по ним лупить...».

Городовые провели серьёзную разъяснительную работу, даже языки устали, с дворниками, объяснив им, что своими руками разломают метлу, и по пруту воткнут им в одно место..., отчего над ними будут ржать все московские дворняги.

Дворники поняли, что их даже в ад не примут, коли на участке мусор найдут.

Словом, к приезду государя, город блистал чистотой.

Столяры и плотники строили сотни буфетов, как водится, помогая себе в работе добродушным матом.

– Слышь, Ерофей, – обращался к напарнику бородатый, в потной рубахе плотник, – хотишь поди, зараза, дармовую сайку с кусярой колбасы получить в подарок, да пряники с орехами... Чаво молчишь? сомлел читоль от щастья, чёрт глухой... А главное, кружку дадут коро... ца... коро... цаонную, с гербом и цифирью на боку «1896». Год означат. Тока вот бают, на всех не хватит гостинцев. Ну, мы-то получим, не сумлеваись. Возле буфета сваво дежурить будем.

Царская чета поселилась в пригородном Петровском дворце, за семь вёрст от Москвы.

В день официального въезда в город, войска выстроились по обеим сторонам дороги, дабы сдерживать ликующую толпу.

Народ любил своего государя, ибо тот подарил ему три выходных дня, дал амнистию заключённым и прощение недоимок и долгов.

А у кого, спрашивается, их не было. И, самое главное, коронационные торжества обещали великолепное зрелище, а москвичи, как известно, не дураки развлечься.

Ровно в 2 часа пополудни, эскадрон Конной гвардии въехал в Москву. Здоровяки-кирасиры, подбоченясь, гордо глядели на балконы и окна с рукоплещущим народом. Солнце блестело на их латах, отражаясь в глазах восторженных дам.

За кирасирами следовала одетая в красные чекмени лейб-казачья сотня. Усатые черноглазые красавцы, хищно улыбаясь, любовались размахивающими трёхцветными флажками дамами.

Грозные сабли их миролюбиво постукивали по коже сапог.

– Где, где, где царь-то? – свесившись с балкона, без конца спрашивала полненькая купеческая жена, млея от казачьих взглядов. Груды её почти вывалились наружу, и вносили сумбур и путаницу в ровный строй гвардейцев.

– Р-р-равняйсь, стервецы! – выкатывал глаза покруглее грудей, казачий сотник. – Да не туды, мать вашу, равняйсь, – скрипел он зубами.

За казаками, надувая щёки, бодро топал придворный оркестр. Разумеется, музыканты, проходя мимо балкона, перепутали ноты.

«Чего это они сыграли?» – размышлял Рубанов, едущий при парадной форме в толпе придворных. Грудь его сверкала от орденов.

Следом за увещанными орденами генералами и министрами, в простом полковничьем мундире, покачивался на коне Николай.

– А-а-а! – ревели улица, и лишь купчиха разочаровалась от вида государя.

Весь вечер Николай и Александра постились и молились стоя на коленях перед тёмными ликами старинных образов.

– Ники, я снова в Москве, – отвлеклась от молитвы императрица. – Но в первый раз было горе и похороны, а теперь коронация и радость. Ведь меня повенчают с Россией... Я стану не просто императрицей, а государыней-матушкой... Ведь правда, Ники?

Николай волновался и нервно бил поклоны.

– Господи! Благослови, чтобы всё хорошо прошло. Ведь как пройдёт коронация, таково и всё царствование будет, – с надеждой глядел на древний и строгий лик Христа.

Ночь они не спали, а утром, вновь помолившись, начали готовиться к главной церемонии.

Служанки одевали Александру.

Облачившись в сине-зелёный мундир Преображенского полка, вошёл к государыне Николай.

– Я начинаю тяготиться этими традициями! Представляешь. Я! – Император Беляя, Малая.., и прочая, и прочая всяя Руси.., не волен по своему усмотрению выбрать корону, коей меня же будут короновать... О-о-о! Произвол!

– Ники, успокойся, о чём ты говоришь?..

– Как о чём? Повторяю. Я! Император, государь, монарх, царь.., полагал воспользоваться лёгкой шапкой Мономаха... Но этот бюрократ и чинуша министр двора Воронцов-Дашков, потрясая Указом Екатерины Второй и ссылаясь на этикет двора, вынуждает, ты слышишь, Аликс, вы-ну-жда-ет, – по слогам повторил он, – меня, напялить на голову тяжеленную корону, которая весит девять фунтов, а шапка Мономаха лишь два.⁵ Что хотят, то и творят эти министры! А ведь у меня на лбу шрам! И я не терплю, когда что-то на него давит.

– Ники, но это благородный шрам! Ты хвалился, что получил его в юности на дуэли...

– Ах, оставь эти глупости, Аликс. Ну на какой дуэли? – раздражённо ходил по комнате Николай. – В бытность мою в Японии, одна макака стукнула меня по башке мечом...

– Ники, что за выражения...

– Прости, милая! – успокоился император, целуя жену в щёку. – Ну конечно, это шрам от дуэли, когда один из князей непочтительно выразился о твоей фотографии, моя радость.

– И я знаю, кто это был, – вспыхнула Александра, – твой несносный брат, Мишка. У меня ещё больше поводов злиться, но я же не делаю этого.

– Ну и какие же это поводы? – заинтересовался Николай.

– Да хотя бы вчера.., как ты помнишь, первой в великолепной золочёной карете Екатерины Великой, запряжённой восьмёркой белоснежных коней, ехала твоя мать.

– В каком смысле «твоя мать»? – опешил Николай.

– Твоя мать! – Значит твоя матушка Мария Фёдоровна... А следом, на колымаге, гремевшей расшатанными колёсами по брусчатке, следовала бедная твоя женушка.

– Ну успокойся, любовь моя, ты тоже ехала в карете...

– И лошади были хромые! – выкрикнула в лицо мужу Александра, чем неожиданно развеселила и успокоила его.

– С тем я к тебе и пришёл! Во всём виноваты эти старинные традиции.

Николай и Александра медленно поднимались по ступеням Красного крыльца. Почти на самом верху Николай споткнулся на правую ногу.

– Аликс, не спеши! – одними губами прошептал он.

Поднявшись, царская чета поклонилась народу, прочитала короткую молитву перед иконой, которую держал в трясущихся руках старичок-митрополит с редкой седой бородкой, и вошла под своды Успенского собора.

После длительных молитв началось традиционное облачение царя и царицы. Александре стало жарко, и она потела в серебристом своём парчовом платье.

Николай же, наоборот, был бледен и дрожал, словно от холода, когда принял из рук митрополита Московского драгоценную корону и возложил себе на голову.

Холод! Холод шёл от короны и морозил голову.

⁵ Фунт – 400 грамм.

Сняв её, он осторожно коснулся ею лба Александры, заметив, как она вздрогнула от прикосновения золота и бриллиантов, и вновь водрузил на себя.

Царицу в это время митрополит увенчал другой, меньших размеров короной.

Потрясённая императрица встала на колени, и митрополит прочёл над ней молитву о царе.

Затем Николай, один среди стоявшего народа, опустился на колени.

Какая это была незабываемая картина для присутствующих здесь либерально мыслящих дворян...

Глядя на коленопреклоненного императора, Рубанов-младший просто упивался восторгом.

«Так должно быть всегда! – думал он. – Давно следовало поставить императора на колени».

После помазания святым мирром, Николай дал присягу уже как самодержец всея Руси, и поднявшись с колен, стал восходить по ступеням алтаря, чтобы принять причастие, и в этот момент, от волнения, слишком сильно потянул усыпанную бриллиантами цепь, на которой висел орден Андрея Первозванного.

Шесть камергеров, поддерживающих соболиную мантию императора, в испуге вытаращили глаза, наблюдая, как выскочивший из толпы придворных генерал, цепко схватил цепь с орденом и сунул за пазуху.

Окружающие подумали, что так положено по этикету и сановник вышел поклониться царю.

– Не волнуйтесь, Ваше величество! – шепнул царю Рубанов. – О произошедшем никто не узнает, – при этом так глянул на камергеров, что они сразу уяснили, хотя климат в Петербурге и прохладный, но много теплее, чем в Сибири.

После алтаря Николай взял за руку жену и усадил на стоявший в соборе трон из слоновой кости, привезённый из Византии невестой Ивана Третьего Софьей Палеолог.

Сам бочком уселся на усыпанный алмазами трон царя Алексея, своего кумира.

Александра Фёдоровна, впервые по приезде в Россию, чувствовала себя спокойно и уютно. Сердце её зашлось радостью, когда императрица Мария Фёдоровна подошла к трону, поклонилась и поздравила с воцарением свою сноху.

Вслед за вдовствующей императрицей поочерёдно подходили и кланялись члены императорской фамилии.

– Аликс, – тихо произнёс Николай. – Как давит корона!

Но она не расслышала этих слов, так как, заглушая все звуки, рывкнули в салюте сотни орудий, и одновременно зазвонили все московские колокола.

18 мая, согласно утверждённому регламенту, планировалось народное гулянье на Ходынском поле. Так именовался изрытый ямами и окопами учебный плац для войск московского гарнизона.

Гулянье по расписанию, начиналось с утра, а в 2 часа пополудни, в императорском павильоне, на поле, должны были собраться великие князья, министры и прочие сливки высшего света.

Составляя расписание, Воронцов-Дашков с Фредериксом, особо не ломали головы. Всё славное в этом мире, по их разумению, должно происходить в 2 часа дня.

Следом за высокими особами прибывала царская чета, веселить которую музыкой будет симфонический оркестр под управлением Сафонова, сочинившего по такому случаю торжественную кантату.

«Вроде бы всё в порядке, – радовался великий князь Сергей. – Коронация прошла на высшем уровне... Племянник со своей... сестрой моей жены, довольны. Москва просто свети-

лась от иллюминации... А народ пусть сам себя веселит... Разговееется колбаской с пряниками и запьёт икоту дармовым пивком из юбилейной кружки. Полицмейстера надо наградить... и кого-либо из его архаровцев. Улицы блистали чистотой и порядком, пьяных не валялось», – заложив руки за спину, топтал новый ковёр генерал-губернатор.

Как и положено, народ помолился, нарядился и потопал на Ходынку с вечера, занять место получше, долгожданный подарок получить пораньше, а халявного пивка выдуть побольше, насколько живота хватит.

Как водится у порядочного православного семьянина, мужики прихватили жён с детишками, а коли торчать в поле до утра, следоват чего-нито поснедать, а ежели в придачу и праздник, знамо дело и выпить не грех. За царя – батюшку чекушоночку махонькую уговорить... Кто осудит? А на жану – тьфу. Мотри у меня! Глядишь, время-то до утра приятственно и пролетит – не заметишь.

Ночь опустилась тёмная и безлунная. А что темнота выпившему человеку? Так... Тьфу и ничего боле.

К тому же стали завозить возами подарки с колбасой и кружками.

Народ, ковыряясь в зубах и калякая, что в башку придёт, с интересом наблюдал, как разгружают будущие подарки.

Плотник Ерофей со своим напарником, в чистых ситцевых рубашках и новых портах, дабы не позорить перед царём и честным народом артель, помогали разгружать бочки с пивом.

– Эй, славяне! – скатывая с телеги бочку, гудел причастившийся водочкой Ерофей. – Гуляй ноне!

Его напарник добродушно ухмылялся в бороду, раздумывая, как бы окромя законного кулька с кружкой, стибрить для супружницы ещё один кулёк.

Наступил рассвет.

«Мамоньки! – оторопел бородатый плотник, глядя на поднимавшийся над людьми пар. Из толпы раздавались стоны. – Это што же деется?» – подумал он.

– Ваше благородие! – обратился Ерофей к молоденькому поручику в белом летнем двубортном мундире с шашкой через плечо и револьвером на поясе. – Ваше благородие, што-то делать надоть!.. – глядел на чистенького, ухоженного офицера, как на выходца из другого мира.

Тот в волнении крутил новенький серебряный шнур с чёрными и оранжевыми нитями, поднимавшийся от рукояти револьвера к воротнику.

– Сам вижу, что делать надо... Но что? Эй, ребята, – обернулся к своим солдатам, – рви мешки, доставай подарки и кидай в толпу, – приказал он.

Ерофей с напарником помогали солдатам, с размаху швыряя кульки в гушу народа.

Очумелый, полузадохнувшийся люд, поймав подарок, стремился выбраться из толпы. Не тут-то было.

– Да-ю-ю-ю-т! – Взвыли где-то в середине, и жаждущая кружек с вензелями толпа надавила и с хрустом свалила небольшой хлипкий заборчик, отделявший буфеты и телеги с товаром от народа.

Отовсюду раздавались крики и стоны. Телегу с плотниками опрокинули, и они вывалились из неё.

Отбросив кульки с подарками, бородатый, в рваной уже рубашке, стал помогать упавшему старику, но его отбросило в сторону и понесло в круговерти человеческих тел.

Он потряс головой, словно от наваждения – рядом бежала голая, без платья женщина, но она не обращала внимания на свою наготу, ей владело одно лишь желание – не упасть. Это была бы смерть!

Вместе с женщиной плотник свалился в какой-то неглубокий овраг.

Рядом с ними, утробно охнув, упал мужчина. Дальше, за овражком, начиналось свободное пространство и народ, спасаясь от давки, бежал туда.

– Дочка, возьми, прикройся, – снял с себя рубаху плотник.

Молодую женщину колотил озноб. Она ничего не понимала. Глаза её были белые от ужаса.

– Мой сынок! – заикаясь, твердила она. – Там мой сынок, – вздрагивала плечами.

– Эй, дядька, чего разлётся? – обратился бородач к мужчине и перевернул его на спину, вздрогнув от мёртвого взгляда и уже засыхающей крови на губах и подбородке. – Господи! – перекрестился он, поднимаясь, и увидел давешнего поручика в рваном, испачканном кровью мундире.

Офицер нёс на руках бездыханное тело ребёнка и слёзы катились по мальчишескому его лицу, капая на белоснежный когда-то мундир.

Услышав о трагедии, Рубанов с братом прикатили на извозчике к Ходынскому полю.

Оно было усеяно погибшими.

– Господи! Прости нас! – перекрестились они.

Рядом ходил голый по пояс бородатый мужик и всматривался в лица лежавших. Иногда он убирал с лица шляпу или оброненный сапог.

– Ерошку не видали? – обратился к господам, забыв повеличать их превосходительствами и не услышав ответа, пошёл дальше, подняв по пути золотые часы на цепочке и, безразлично глянув, тут же бросил их под ноги.

Москва оцепенела от ужаса!..

В тот же день газеты разнесли весть о несчастье по России.

Узнав о случившемся, Николай и Александра ездили по больницам и просили прощения у покалеченных людей.

– Господи, Ники! – рыдала в карете царица. – Россия не хочет меня! Снова горе и похороны!

– Как давит корона, Аликс! Я уйду в монастырь! – пообещал ей государь.

Он был ещё молод и неопытен.

Вечером к нему приехали дядья.

– Я велю вам прекратить торжества! – перехваченным от волнения голосом обратился к ним государь.

– И тем оттолкнуть от себя нашего союзника – Францию!

– Причём здесь Франция, – снизив тон, удивился Николай.

– Как причём? – ещё сильнее удивились дядья. – Вечером, согласно протоколу, назначается бал у французского посла Монтебелло. Им уже выписаны из Прованса и привезены сто тысяч роз... Сто тысяч, твоё величество, – иронично глядели на племянника. – А ты раскиселся! Народ дурак! Сам себя передал. А коли ему, так «н-д-д-равится», то ты-то причём? Бал посетить обязан. Ибо государственный муж уже, а не мальчишка, – в приказном тоне уговаривали они племянника.

У Николая ещё не было своего мнения, и он покорно уступил гвардейскому натиску дядюшек.

Это была первая его трагическая ошибка!

Вечером он появился с заплаканной Аликс и, играя желваками, открыл бал, пригласив на тенец графиню Монтебелло.

Нельзя танцевать на трупах!

На следующий день Рубанов-младший послал в газету статью, подчёркивающую бессердечие самодержавной власти, презрение её к народу и цинизм молодого царя и его жены – немки.

«Откупился от убитых тысячь рублей», – вопила газета.

«На его месте любой бы царь отказался от власти, и как честный человек ушёл в монастырь», – именно так понял обыватель из подстрочного текста.

Русские во все времена были сильны в аллегориях, и цензура ничего не могла с этим поделать.

Великий князь Сергей, чувствуя вину, вызвал полицмейстера, чтоб собственноручно намылить ему голову и перевести в уездный Задрипанск помощником младшего надзирателя.

Но полковник Власовский был тёртый калач – не одну собаку слопал на царской службе и тут же, подхалимски звякнув шпорами, протянул гневному генерал-губернатору отпечатанную без ошибок и со всеми ятями служебную записку.

– Чего ты мне свои бумаженции тычешь?! – разбуженным зимой медведем зарычал Сергей Александрович, но краем глаза уловил строку: «...Посему мы не виноваты!»

В нём заиграло любопытство и, рухнув в кресло, прочёл всю оправдательную челобитную. Во время чтения чело государственного мужа постепенно разглаживалось, и на губах проступала довольная улыбка.

«На поле всем руководило Министерство Двора, – читал он, – им всё устраивалось: и балаганчики, и буфеты, и кульки с пряниками, полиция же ко всем этим приготовлениям отношения не имела, – читая, довольно щурился великий князь, – Касалось полиции лишь то, что было около поля и до поля, а там никаких историй не произошло, там обстояло всё в порядке...».

«А ведь, и правда! – ухмыльнулся царский дядька. – Какие к нам претензии? Москву вылизали, как собака тарелку из-под щей, коронацию провели.., какого же ещё рожна надо? Отнесу-ка я эту умно составленную бумагу моему племяннику», – решил он.

И правильно сделал, потому как высочайшим рескриптом получил благодарность «За образцовую подготовку и проведение торжеств».

Москвичи никогда не отличались благодарностью и поздравили своего губернатора криками: «Князь Ходынский!»

«Вот пустомели», – составил о них своё княжеское мнение Сергей Александрович, но полицмейстера всё-таки уволил.

Общественное мнение в России, благодаря газетам, стало одно: «Ходынкой началось – Ходынкой и кончится!»

Рубанов-старший за проявленные внимание и усердие получил орден, и к тому же был поощрён путешествием с царской четой по городам и весям России и Европы.

Делать нечего. Отправив семью в Рубановку, в июле, он вместе с царской четой, торжественно открыл ярмарку в Нижнем Новгороде и всласть попиrowал с купечеством. Потом погостил в Вене у императора Франца-Иосифа. Из Вены поехали в Киев, а после Киева удостоился чести общаться с самим кайзером Вильгельмом Вторым.

Подъезжая к Берлину, Николай разнервничался, а когда из окна вагона увидел расхаживающего по перрону кузена Вилли, в военном мундире и в сверкающих сапогах, то и вовсе сник.

«И почему я теряюсь, разговаривая с Вилли? – думал царь. – То ли оттого, что он на восемь лет старше меня или потому, что монархом стал на шесть лет раньше, а главное, коро-

бит его несносная спесь и величайший гонор. Недавно мне донесли, что Вилли начал подписывать документы «Всех Превысший!» Это ж надо? – разминал пальцы Николай, готовясь к рукопожатию. – Помню я, как мой папенька, когда Вилли шишкой торчал на своём ржавом крейсере в Кронштадте, надеясь, что русский император первым нанесёт визит, послал даже не генерала Свиты, а флигель-адъютанта и кузен мигом примчался в Зимний. Да и беседовал-то мой папа с ним через плечо. Попробывал бы он пикнуть на родителя..., и тренированная правая рука не помогла бы». – Выходя из вагона, под звуки марша, пошёл навстречу кайзеру, с тоской всматриваясь в его грозно закрученные вверх усы.

Спрятав высохшую левую руку в карман, Вилли вытянул вперёд свою железную правую длань и сжал пальцы своего кузена, намереваясь показать мощь германского кулака.

Не удалось!

Николай исправно занимался греблей и для удовольствия колол перед дворцом толстые пни.

Посопев, они расцепили рукопожатие, лицемерно обнялись, похлопав, затем, друг друга по плечам.

– Ники! Ты стал молодцом. А как славно щёлкнул по носу российских либералов в своей речи, – потрогал – не загнулся ли острый кончик уса. – Сейчас вспомню, – закатил на лоб глаза. Ага! – «От несбыточных мечтаний в управлении делами государства...». – Размечтались, краснобаи. Даже бы я лучше не сказал. Ты прав, сынок, принципы монархии должны быть незыблемы, – печатал шаг, с удовольствием брякая каблуком. – Ты правильно начал... Побольше строгости и парадов, мой брат, – шмякнул в плечо здоровой рукой.

« Прусский мужлан! Папа правильно говорил, что будь Вилли моим сыном, порол бы его как сидорову козу... Хоть бы на денёк усыновил», – повёл занемевшим плечом.

– Теперь ты император, Ники, и должен понимать, что союз России с французскими лягушатниками направлен против монархических устоев. Ну что у тебя общего с этими республиканцами? Ведь вместе с тобой мы затопчем всех их лягушек и заставим питаться чёрным хлебом с квасом, – ошарашено остановился и вдруг, задрав голову и открыв рот, громогласно заржал, самозабвенно закрыв глаза и притопывая от удовольствия ногой. – Чёрным хлебом и квасом, – потрясённо помотал головой и вновь зашёлся смехом, дёргая за рукав кузена и приглашая повеселиться.

Николай вежливо хохотнул. Воспитание.

Отсмеявшись и вытерев глаза, Вильгельм подкрутил вверх усы и произнёс:

– Ну и остроумный я бываю... Кстати, Ники, на завтра в твою честь запланирован грандиозный военный парад. К присутствующим просьба не опаздывать... Да что это со мной? – захлопал правой рукой по ляжке и вновь закатился гомерическим смехом.

На параде Николай был в скромной полковничьей форме, зато его кузен разрядился щёголем в высоченные ботфорты с блестящими голенищами, серебряную кирасу, белый плащ и сверху всё это великолепие накрыл сверкающим на солнце остроконечным шлемом.

«Кирасиром что ли вырядился? Напоролся бы он на вахмистра Конногвардейского полка..., то-то конюшню бы почистил за нарушение формы одежды. А здесь кто его накажет?» – размышлял Николай, глядя как его кузен, высокомерно топорща вверх усы, принимал доклад генерала и в качестве поощрения с размаху треснул по мясистой заднице, когда тот повернулся уходить.

Сделав смотр германским войскам, царственная чета, вздохнув с облегчением, уплыла в Данию, где правил дед Николая со стороны матери, король Христиан Девятый.

Погуляв по Копенгагену и встретившись со своей матушкой, гостившей на родине, направились в Англию, в гости к королеве Виктории.

– Ники! Как это замечательно, – радовалась жена, – ведь у нас получилось свадебное путешествие.

– Аликс, я так люблю старую добрую Англию... Столько воспоминаний нахлынуло здесь на меня. Кажется, совсем недавно мой незабвенный папа' послал меня представлять царскую фамилию на свадебной церемонии моего кузена Георга, герцога Йоркского, с принцессой Марией Текской. Я жил во дворце Мальборо. А как тебе известно, мы похожи с кузеном, как две капли воды. Гляди, не перепутай нас, ежели вдруг встретишься с ним вечером. В течение бракосочетания нас несколько раз путали.

– Ники! – покраснела Алиса. – Надеюсь, не в первую брачную ночь?

– Бу-а-а-а! – заржал Николай, топая ногой и копируя кузена Вилли.

– Ники, ты иногда ведёшь себя как простолюдин, – развеселилась царица.

– Нет, милая, к сожалению, за один день до неё... Меня тепло поздравляли со свадьбой и желали счастья..., а Георга один из приехавших принцев спросил: «Николай, как вам понравился Лондон?» – «По-моему, неплохой городишко», – ответил Георг.

– Ох, Ники! Я так счастлива с тобой здесь, – отсмеявшись, поцеловала она мужа.

Как и в том июне, они вдвоём поехали в коттедж в Уолтон-он-Темз, принадлежавший старшей сестре Аликс, принцессе Виктории Баттенбергской и провели там три счастливых дня, вспоминая тот далёкий июнь, зелень лугов и цветы на полях. Бесконечно целуясь, вновь сидели в саду, и так им было тепло и уютно, и так далека была Россия с её заботами и Ходынским полем...

Если бы Бог предложил им поменять власть, дворцы и трон, и скипетр на простой коттедж в зелёном поле с цветами, они без раздумья бы согласились.

Ну, какое может быть сравнение английского поля – с Ходынским?!

Последнюю неделю они прожили в Виндзорском замке вместе с королевой.

Рубанов же нашёл друга в лице одного английского вельможи, и вместе они сражались до упаду с «зелёным змием», от которого нос вельможи стал красным, под стать мундиру.

Тренированному предыдущим императором Максиму Акимовичу было по плечу сразиться и с более крупным драконом, коих, по словам вельможи, в старой Англии водилось видимо-невидимо.

Поэтому, в отличие от своего нового друга, до рыцарей короля Артура не допивался.

Правда, вместе с царём он посетил несколько воинских парадов.

После парада шести рот Колдстримских гвардейцев, офицеры пригласили императора со свитой на обед. Николай надолго не задержался, зато Рубанов с приятелем пообедали на совесть, после чего англичанин доказывал, что рот – двенадцать, чуть позже их стало восемнадцать, и это не считая рыцарей. Пока батальон не превратился в дивизию, Максим отвёз английского друга отдыхать, он точно пересчитал роты, их было девять.

На следующий день вместе с царём присутствовали на параде пехоты, кавалерии и конной артиллерии. Николаю понравились шотландские стрелки в плиссированных юбках, английскому другу – длинный строй рыцарей, а Рубанову – дама в белом плаще. Приглядевшись внимательнее, он признал в ней Жанну д'Арк. Но времени на неё уже не оставалось.

В Англии, в сопровождении нянек и кормилиц, к царской чете присоединилась их десятилетняя дочь. И вместе с ней направились во Францию.

На середине Ла-Манша, безбожно пыхтя дымом, усердно гремя гимнами и шелестя флагами, их, дабы оказать уважение, встретили французские корабли.

Тут броненосцем ворвались воспоминания в похмельную рубановскую голову, и утюжили мозги до самого берега.

Максим вспомнил, как в 1891 году французский флот посетил Кронштадт, и произвёл немалый конфуз при царском дворе. Он даже бился об заклад с генералом Черевиным, доказывающим, что император не сможет снять шляпу под звуки французского гимна.

«Каково будет мнение высшего света и общества, коли император обнажит голову, слушая «Марсельезу», зовущую к свержению деспотов в коронах». – «А я ему доказывал, – вспоминал Рубанов, – что это его отец, Александр Второй дорожил общественным мнением..., спрашивая: «А как думает образованное общество?» Сын повёл политику так, что общество интересовалось тем, как думает император. И я выиграл у Петра Черевина сто рублей. Александр, со словами: «Я им не композитор, чтобы под фагот и балалайку гимны придумывать», – спокойно снял шляпу и благожелательно выслушал «К оружию, граждане», стоя под наведёнными на французскую делегацию жерлами путиловских пушек».

Тогда авторитет России был столь высок, что император ничего не боялся. Александр Третий знал себе цену и напыщенная Европа тоже знала цену русскому царю. Европейские правители лишь утёрлись, когда съехались в Петербург на ассамблею, а русский император задержался на рыбалке.

Флигель-адъютант, посланный к царю, привёз ответ: «Пока русский царь ловит рыбу, Европа может и подождать!!!».

Импульсивные французы активно готовились к встрече российского самодержца. Хотя в конце сентября в Париже каштаны не цветут, но было бы желание... Наклеив из бумаги цветов, их проволокой прикрутили к ветвям, дабы Николаю с супругой было приятно проехаться под сенью цветущих каштанов.

По всей Франции гудела, пела и пила шумная «русская неделя». В драку нарасхват шли тряпичные Петрушки, Ваньки-встаньки, тульские самовары, матрёшки и игрушки-дёргалки, когда два русских медведя, выпив, видно, смирновской, что есть силы долбили молотками по наковальне или русский мужик колот топором пенёк.

Французский президент, узнав, как одевался кайзер Вильгельм, решил его переплюнуть, заказав себе парадный костюм, состоящий из белого кашемирового жилета с золотым галуном и голубого атласного кафтана, расшитого анютиными глазками, желудями, нарциссами и для солидности – дубовыми листьями.

Перед самой встречей насилу его уговорили облачиться в банальный фрак и тривиальную белую манишку, потому как у окружения не было президентского эстетического воображения.

Когда императорская чета с дочерью на коленях, в открытом ландо появились на парижском бульваре, французы устроили бурную овацию.

Оркестры на всём протяжении дороги гремели «Боже царя храни», а не «Марсельезу», призывающую к свержению монархов. Народ размахивал трёхцветными российскими флажками и надрывно скандировал: «Да здравствует Николай!» «Да здравствует Александра!»

Не зная, как выразить своё трепетное отношение к самодержцам, восторженно, с подвывом кричали: «Да здравствует ребёнок!» – Ну чем, чем, чем ещё порадовать русских деспотов... Покумекав, заорали: «Да здравствует няня!».

«На этот раз перечислили всех, а если бы, к примеру, рядом с императором ехал царский парикмахер, парижане бы вопили: «Да здравствует брадобрей!» – улыбался Рубанов. – Лучше бы про Жанну д'Арк чего-нибудь хорошее покричали!»

Николай был счастлив.

Визит завершился, как принято в приличных государствах, военным парадом.

Одетый в казачий мундир император, наблюдал за прохождением войсковых колонн, в которые входили альпийские стрелки, полки пехоты, кавалерия и самые грозные защитники республики – африканские зуавы.

В конце смотра, дабы поразить высоких гостей, чего-то горланя и размахивая саблями, пронеслась лавина всадников-спагов, одетых в халаты.

«Наверное, сидели кофий пили, а тут неожиданно парад», – размышлял Максим над формой одежды конников.

Чихая, тихонько чертыхаясь и отряхиваясь от пыли, высокие гости покинули поле.

Свадебное путешествие царской четы закончилось в Петербурге.

И тут же своё путешествие из Петербурга в Москву совершил Константин Петрович Победоносцев.

«Господи! Хорошо-то как, – вытянулся он на мягком диване, вслушиваясь в перестук колёс и в позвякивание чайной ложечки в стакане. – И зачем мне этот холодный Петербург... и эта тяжёлая глыба власти... А ведь как к ней рвутся, понимая под властью предмет тщеславных вожделений, награду наглым и хитрым, но не умным, бездонную кормушку для чиновников. На самом деле власть не для себя существует, но ради Бога, и есть служение Отечеству. Власть – это «Божие Тягло», как писал Великий князь Владимир Мономах: «Гордости не имейте в сердце и в уме, – поучал он княжичей, – смертны все, сегодня живы, а завтра в гробу. Всё, что имеем, Ты, Господи, дал. Не наше, но Твоё поручил нам еси на мало дней». – Как хорошо сказано. Вот и Москва», – глядел из окна на вокзальную суету и радовался, что никуда торопиться не надо. В кармане лежал билет в обратную сторону.

Когда он уставал от нескончаемых дел, то отдыхал одним известным ему способом – садился в Московский поезд, и на нём же, даже не выходя из вагона, возвращался в Петербург.

И был в эту осень ещё один путешественник, в отличие от предыдущих, совсем незаметный – Владимир Ульянов, следовавший по этапу из петербургской тюрьмы в ссылку – сибирское село Шушенское.

Жизнь, между тем, шла своим чередом. Соскучившийся по военной службе Рубанов-старший, всей душой отдался воспитанию личного состава вверенной ему дивизии.

Случайно он прочёл запись старшего сына, в которой тот мечтал о карьере извозчика, лишь бы не учить латынь.

«Молодец, сынок. Но не в извозчики, а в кавалеристы может выйти. Главное начать. – Особенно отцу понравилось, так и веявшее Россией – про мать-перемать, в оглоблю, в копыто ети... – Этот гимназистик, глядишь, человеком станет», – активно применял полученные знания в полевых условиях, подготавливая кавалеристов к военному делу.

Служба, разумеется, совмещалась с балами, банкетами, раутами, зваными обедами и ужинами, концертами, балетами и театрами.

«Завтра сочельник», – разбежался Аким и прокатился по накатанной гимназистами ледяной дорожке, в конце которой, выкатив живот в шинели, башней стоял городовой.

Расставив руки, он хотел поймать мальчишку, но тот ловко проскочил мимо него.

– Что делают, шалопаи! – погрозил пальцем Акиму. – А порядочные люди из-за них..., не договорил блюстителю порядка, заржав жеребцом и радостно разглядывая взметнувшего ноги вверх и скользившего на заднице приказчика. – На извозчика что ль денег нема, на своём заде

раскатывает, – на секунду замолчал, потрясённый своим чувством юмора, и огласил воздух громоподобным хохотом, временами вытирая ладонью выступившие на глазах слёзы.

Проходившая мимо молодая дама иронично покачала головой, оглянувшись на городского.

Аким, поправив за спиной ранец и подышав на ладони, прикидывал, как бы ему прокатиться в другую сторону, чтоб покрасоваться перед двумя гимназистками из Мариинки, идущими навстречу.

В это время городской, напустив суровость на круглое, добродушное лицо, сделал стойку, молодцевато бросил руку к виску, и помчался к остановившимся у края тротуара саням, преданно глядя в глаза высаживающегося начальства. Огибая отряхивающегося приказчика, ступил на скользкую дорожку и заплясал гопак, взбрыкивая на одном месте ногами и балансируя для равновесия руками.

Как и давеча Акима, равновесие он тоже не поймал, и с утробным рыком, со всего маху, саданулся широким мужицким задом на то место, с которого поднялся приказчик.

Вылезший из саней начальник, надув щёки и выкатив глаза, с интересом наблюдал за пляской подчинённого, и махнул головой, прищутив левый глаз, в такт с соприкоснувшейся со льдом задницы.

Прежде он хотел отматюкать переломившегося пополам от смеха приказчика, но глянув на барахтавшегося городского, тоже зашёлся от хохота.

«Ну вот, не проскользнёшь», – со вздохом глянул Аким на прошедших мимо гимназисток и медленно побрёл за ними.

Девчонки, что-то весело обсуждая, зашли в булочную Филиппова, обдав Акима хлебным запахом из открывшейся двери.

Глянув сквозь морозное стекло на громадный крендель в два аршина величиной, в окружении связок с баранками, он тоже залетел в магазин, постучав у порога ногами и выглядывая двух подружек.

Для чего они были ему нужны и сам не знал. Заговорить с ним всё равно не посмел бы.

«Раз зашёл, надо чего-то купить», – разглядывал булки с маком, баранки, мелкие сушки, плюшки, сайки, крендельки с изюмом.

Когда вышел от Филиппова, начинало темнеть.

По мостовой, временами высекая искры из подков, чиркающих о торчащие из-под снега булыги, мчались лихачи.

«Поймать, что ли Ваньку и прокатиться?» – раздумывал он.

Дома его уже ждал отпущенный из корпуса на праздники брат.

Вечером родители уехали в театр, а братья, переговорив обо всём и сплавив гувернантку в длинные руки денщика, направились в людскую, послушать умных людей: швейцара Прокопыча, сторожа Пахомыча, дворника дядю Власа и кухарку Марфу.

Осторожно, чтоб не испугать старичка-лакея, спавшего в обнимку с пушистым котом, сели на лавку, в углу под образами, и пили чай, налитый в стаканы из огромного кипящего самовара. А из печки шло тепло, водил глазами кот на железных ходиках, изукрашенных зелёными еловыми ветками, пыхтел самовар и Марфа, монотонным голосом что-то рассказывала из бедовой жизни леших и водяных.

Глаза закрывались. На душе было уютно, спокойно и тихо, как бывает только в детстве.

В Сочельник братья отпросились у мама' съездить на ёлочный базар.

На облучке сидел двухметровый Ванюша в овчинном полушубке, а в санях кроме барчуков – Антип и недавно принятая молоденькая горничная.

Денщик любовался то своими новенькими ефрейторскими погонами с одной поперечной лычкой, то румяными щёчками девушки.

– Дашенька, как вам Пим-м-тимбурх? – стряхнув наглуую снежинку с погона, обратился к горничной, но тут же съёжился от яростного взгляда управляющего упряжкой верзилы. – Дарья Михайловна, – поправился он, – а вы с какой деревни?

Конюх ревниво прислушивался к разговору, временами строго покрикивая на лошадей.

Скрипели по снегу полозья. Мороз щипал за щёки. Перед базаром выпрыгнули из саней и долго топали, согревая озябшие ноги. Глеб подпрыгивал, попутно любуясь выставленными ёлками. Ждали, когда Ванюшка привяжет лошадей.

– Аким, мы как будто в лесу, – воскликнул брат, восторженно оглядываясь по сторонам. Ели и сосны стояли рядами, большие и маленькие, в снегу и инее.

А запах!

«Так, наверное, Россия пахнет», – подумал Аким, вдыхая аромат сосны и вспоминая запах хлеба в магазине Филиппова.

Иван не думал, что как пахнет, а оттирал литым плечом нахального денщика от Дашеньки.

Около небольшого, но дымного костерка, торговали сбитнем. Аким важно достал из кошелька деньги и угостил компанию. Горячий сбитень в пузатых стеклянных стаканах грел пальцы, а затем и весь озябший организм.

Кругом ходил озабоченный люд, выбирая ёлки.

«Как хорошо!» – пускал пар изо рта после каждого глотка, Аким.

Брат во всём брал с него пример.

Вечером наряжали поставленную в банкетном зале ёлку. Ирина Аркадьевна радовалась не меньше детей, показывая молоденькой горничной, куда вешать игрушки. Даша стояла на лесенке, которую держал Иван. Внизу игрушки развешивали ребята.

Потом спали и набирались сил, чтоб как можно дольше бодрствовать на Рождество.

На этот раз в церковь ехали в лаковых санях. Вороны правил сам Архип, наряженный во все свои придамбасы с белым кушаком.

Как здорово нестись по ночному Петербургу.

Свет фонарей. Светящиеся окна. Светлое от звёзд небо. Светлая от радости душа. И церковь. И огоньки свечей. И лики святых. И церковное пение.

И радость! Радость! Радость!

Оттого, что с нами Бог!

А дома ждал уже накрытый стол. И тут же раздался звонок в парадной: то прибыл Рубанов-младший с семьёй.

И поздравления, и бесконечные поцелуи... А после – пир.

Детей опять посадили вместе с взрослыми. Праздник!

– А мы неделю постились! – с гордостью сообщил Рубанов-старший, подставляя лакею бокал для шампанского. – Спасибо, Аполлон, – поблагодарил сухого, поджарого слугу, одетого в чёрный смокинг и белую манишку.

Тот подобострастно кивнул головой, изогнув спину, и шагнул к брату.

– Мы тоже постились, но для здоровья, а не религии, – в свою очередь подставил лакею бокал Георгий.

– Господа! Если бы знали, как надоели рыбы блюда с икрой. Все эти стерляжки расстегаи, заливное из осетрины, котлеты из белужины, с гарниром из белых грибов, эти ужасные постные пирожки с груздями и сиги на пару... – рассмешила всех Ирина Аркадьевна. – Не знаю, с чего и начать полнеть, расстарался Герасим Васильевич, – в ту же секунду, лёгкий на

помине, в дверях появился повар в крахмальном колпаке и внёс поднос с целиком зажаренным поросёнком, а следом – жареный гусь под яблоками, индейка запеченная и так надоевшая икра в вазах, куриные котлеты, и лосиное филе на тонком вертеле, и соусы-подливки, и всякие желе... А напоследок, распаренный повар таинственно внёс фаршированного рябчиком фазана, с настоящим хвостом из перьев.

– Bravo! – захлопали в ладоши взрослые и дети, довольно поклонившемуся повару, но есть уже не хотелось.

На столе нетронутыми остались окорока, сыры и колбасы, мочёные яблочки, солёные груздочки, огурчики, капуста... Бутылки с бургундским, мадерой, токайским, хересом. Дети запивали еду грушевым, апельсиновым, яблочным лимонадом и сельтерской водой. А после – ореховый торт и пирожное и, наконец, мороженое...

Всё! Дети уползли в детскую, взрослые – в гостиную.

Так-то вот после поста!..

– Светский человек всё должен запить «Смирновской», – рухнул в кресло Максим, аккуратно поставив на столик водку и две рюмки.

– И этим ты вогнал бы в шок мадам Светозарскую, – рассмеялась жена. – А мы лучше чайку с лимончиком, – глянула на свою подругу.

– А вот было бы ужасно, ежели бы пришлось танцевать, – налил в рюмку огненной жидкости Георгий, и стал внимательно разглядывать её на свет. – Максим, меня много месяцев мучает тайна, – крутил в руках рюмку, – чего вы там раскланивались с государём на коронации... – ждал он ответа.

– Сейчас фазанчика с лосятилкой отведаем, свининкой с котлетками закусим и спляшем, – отдувался Максим, делая вид, что не расслышал вопроса и с усмешкой поглядывал, как женщины машут в его сторону руками.

Согласно разработанной генеральским денщиком диспозиции, пока господа отдыхали, следовало их развлечь в духе народных традиций. Поэтому, по его знаку, шлёпая по паркету валенками, громко стуча в выпрошенный у Акима барабан, и завывая дикими голосами, в гостиную ворвались ряженые: дворник Власыч, укрытый поверх своего пальто, конской попоной, и едва стоявший на ногах от трудов праведных, Пахомыч, в вывернутом мехом наружу тулупе. Он-то самозабвенно и колошматил в барабан.

Дворника украшала маска чёрта с рогами, а сторож, по своей задумке, вырядился под лешего, но таковой маски не нашлось, и он напялил картонное свиное рыло, с дырой под пятячком.

– У-а-а! – завывал он и кружился.

Следом, на негнущихся ногах, появился в стельку пьяный старичок-лакей. На трясущейся его голове был надет высоченный, синий, заострённый вверху колпак со звёздами, а на плечах, застёгнутый булавкой, до пола свисал фартук кухарки Марфы. В руках он держал свёрнутый трубкой кусок картона.

Согласно диспозиции Антипа, старикашка олицетворял своим заморенным видом учёного звездочёта с подозрительной трубкой.

– Спасибо, что никому не рожать, – подвёл итог увиденному, взяв со стола бутылку, Максим Акимович.

В ту же секунду из свиного рыла вынырнул красный язык, и генерал, от неожиданности, плеснул на мундир из рюмки.

– Ч-ч-ё-ё-р-р-т! – матюкнулся он.

Подумав, что хотят угостить, Власыч мигом сдёрнул чертячью маску и дамы взвизгнули, увидев всклокоченную бороду, красные от перепоя, налитые кровью глаза, стоявшие дыбом седые патлы, и три гнилых зуба на весь плотоядно раскрытый рот.

– Одень, одень, маску, – протянул ему бутылку Максим, – теперь все святки мерещиться дамам будешь. В тёмную комнату побоятся зайти, – обернулся на грохот – то, зацепившись за ковёр негнушимися ногами, со всего маху припечатался об пол учёный звездочёт, и тут же умиrotворённо захрапел.

– К детям не ходите, – предупредил оставшихся на ногах ряженных хозяин дома, одаривая их трёшницей.

Довольные жизнью, ловко подхватив тело павшего на ниве искусства приятеля, артисты убрались в людскую.

– Натерпелись мы страху! – сделала вывод Любовь Владимировна.

Утром, под ёлкой, дети достали коробки с подарками.

– А ты, Лизка, говорила вчера, что Деда Мороза не бывает, – распаковывал Глеб коробку.

– Конечно, не бывает! И леших с чертями тоже.., – капризно надула она губки.

– Ты не права, дочка! – погладил её по головке Максим Акимович. – Ночью они были здесь!

У Глеба на дне коробки лежала книга Фенимора Купера в яркой обложке, а сверху конные казаки и орудия с запряжкой.

У Акима «Айвенго» Вальтера Скотта и целый гвардейский взвод из семёновцев, преображенцев и измайловцев, коих тут же сменял у него на книгу брат.

Днём, когда гости уехали, родители легли спать, а брат играл в солдатики, Аким пошёл в людскую поздравить с Рождеством слуг.

На лавке, укрытый фартуком, похрапывал старичок-лакей. На другой лавке, обнявшись, нудили какую-то песню пьяные в лешего друзья. На столе, среди закусок и пустых бутылок, лежали две маски.

– А это что такое? – поднял с пола затоптанный плоский конус с проступающими сквозь грязь звёздами.

– М-м-м-у, – указал пальцем на спящего старичка-лакея дворник, и брякнулся головой в тарелку с остатками каши.

– Настали святки – то-то радость! – грустно сам себе прочёл стихи Аким и хотел уже идти к брату, как в людскую влетела толпа подростков, с ковыляющей сзади Марфой.

Встав под образа, они запели святочную колядную песню, поглядывая не столько на образа, сколько на кухарку.

«Пришла коляда накануне Рождества. Дайте коровку, масляну головку. А дай Бог тому, кто в этом дому, ему рожь густа, рожь ужиниста...»

– Ему с колоса осьмина, – начала подтягивать Марфа, крестясь и притопывая ногой в валенке, – из зерна ему коврига, из полузерна – пирог.

«...Наделил бы вас Господь и житьём, и бытьём, и богатством. И воздай вам Господи, ещё лучше того!».

– Ах, умницы... Это наша, тверская колядка, – одаривала юных портняжек, сапожников и бараночников, всё приговаривая, – ай, молодцы!

Мальчишки довольно шмыгали носами, распахивая по карманам конфеты и пряники.

– Чего орёте, чады? – вытащил голову из каши дворник.

– А-а-а! – в ужасе закричала ребятня, толкаясь в дверях.

– Тьфу, прости Господи, чисто ирод! – плюнула Марфа. – На, рожу-то хоть прикрой, – сунула ему в руки свинячью маску, – распух от водки, как водяной, народ пугаешь...

Но Власыч её не слышал, опять шмякнув на старое место то, что люди называют лицом.

Перед Новым годом Рубанов-старший вывез покататься на санях своё потомство. Вместо занедужившего от праздников кучера, на облучке сидел Ванятка, красуясь статью и гордо поглядывая сверху на прохожих и городских, берущих под «козырёк» перед проезжающим генералом.

–Что это там народ толпится? – подозвал к себе городского Максим Акимович.

–Так это, ваше прев-в-о-сход-д-ительст-т-во, – то ли от страха пред столь важным лицом, то ли от холода, заикался городской, – на к-к-у-л-л-ач-ках дер-р-рутся, д-д-дур-р-р-аки-и-с, начальство-м-м р-р-а-зрешено, – благополучно закончил фразу, держа руку у виска.

– Следует поглядеть, – подъехали к замёрзшей Неве, где на льду, ухая и матерясь, веселился русский народ, с упоением тузя друг друга кулаками и выбивая буйством, на целый год, душевную дурь.

На берегу их ругали боевые подруги и жёны.

– А-а-а! У-у-х! – слышалось из толпы.

Здоровенный, расхристаный мужичина в рваной рубахе, с крестом на шее, опрокидывал пудовыми кулачищами нападавших на него противников.

От мужика валил пар. Шевельнув плечами, он стряхнул с себя двух повисших на нём не хилых парней.

– Силён, силён скотина, – похвалил удальца Максим Акимович. – Ванятка, сумеешь завалить бахвала, – обратился к кучеру Рубанов.

– Раз плюнуть! – чуть подумав, ответил тот.

– Ну, так чего же сидишь?!

Сбросив тулуп и жилетку, пригладив на обе стороны густые русые волосы, Иван тараном пошёл в толпу, нехотя, как бы лениво отбрасывая с дороги нападавших, и остановился перед осатанелым от крови быком, в образе человека.

– Ё-ы-ы! – заревел тот, глядя мутными глазами на нового противника, но не напал, а стоя на крепких ногах, прикидывал, куда ловчее ударить.

Наконец, кхекнув, размахнулся и, что есть мочи, долбанул Ивана кулачищем в грудь.

От такого удара свалился бы и жеребец, но Иван лишь немного качнулся и улыбнулся сопернику.

В глазах парня начинала светиться русская удаль, грудь часто вздымалась, и мощные плечи напряглись под рубахой.

–А-а-а! – зарычал он, полосуюя на груди сорочку и примериваясь, сжал кулаки.

Стало как будто тише...

Вытирая разбитые носы рукавами рваных рубах, фабричные сбивались вокруг двух бойцов.

Сверху, из саней, было хорошо видно, как они сошлись, награждая один другого ударами, то сходясь, то расходясь, зверски ухая и рыча, как два медведя, не поделившие самку, ярились друг на друга, шумно выдыхая пар и внимательно наблюдая за движениями и перемещениями.

Силы были равны. Всё зависело от внимания, расчёта и терпения.

Иван был моложе, к тому же не пил водки. Он уже раскровичил губы сопернику и подбил глаз. Однако и тот не оставался в долгу. Но здоровяк давно уже бился, и начал уставать, встряхивая временами головой от полученного удара, и запалено, хрипло дыша.

– У-у-х! – выбросил руку Иван, ударив противника в челюсть.

Тот, клацнув зубами, на секунду замер и молча, кулём рухнул на затоптанный, запачканный кровью снег, тонким слоем покрывавший замёрзшую Неву.

Толпа восторженно завопила.

Иван неожиданно застеснялся и, чуть покачиваясь на усталых ногах, пошёл к саням, попутно черпнув горсть чистого снега у бордюра набережной, и вытерев им разбитое лицо.

Обрывки красной его рубахи свисали по обеим сторонам торса.

Две молоденькие бабы с немим восторгом разглядывали гиганта.

– Молодец! В дышло тебя... – вышел из саней Максим Акимович и собственноручно вытер кровь белоснежным платком с лица кучера. – Постоял за честь Рубановых, – протянул ему мятую ассигнацию.

Ребята с удивлением разглядывали человеческую громадину, будто впервые увидели его. Аким уважительно пощупал напряжённый бицепс Ванятки.

– Гранит, – определил его крепость.

На Крещение, уже всей семьёй направились на Неву к заранее приготовленной широкой проруби, под изукрашенным навесом на столбах, у которой толпился празднично одетый люд, пришедший поглазеть на закалённых смельчаков.

Первая партия самых отважных приняла водную купель ещё ночью, после крёстного хода.

Морозило! Невысокое тусклое солнце освещало покрытые инеем деревья и зашторенные узорчатой наледью окна домов.

С одной стороны лунки, посмеиваясь, выстроились господа, с другой, гомоня и толкаясь, толпился простой народ.

Семью Рубановых уважительно пропустили вперёд.

– Максим Акимович, делать тебе, что ли, нечего, как тащить меня в такую рань ноги морозить, – недовольно ворчала жена, пряча озябшие ладони в муфту.

В пяти сажнях от лунки дымила трубой небольшая избушка, загодя привезённая для обогрева отважных. Вдруг её дверь открылась и по вычищенной от снега и покрытой рогожными мешками тропинке побежали к проруби мужики в накинутых на плечи зипунах и тулупах.

Подбежав к лунке, набожно крестились, сбрасывали одежду, и в одном исподнем прыгали в ледяную купель. Несколько раз окунувшись с головой, а кто и поплавав, вылезали по приставленной ко льду лесенке и, накинув у кого что было, мчались греться в избу. Навстречу искупавшимся, из избы выбежала ещё одна партия желающих принять, во имя Господа, студёное крещение. Возглавлял их давешний противник Ванятки.

Перед прорубью, поворотом широких плеч сбросил тулуп и медленно перекрестился под восторженный шёпот дам.

– Вот это русский богатырь, – по слогам произнесла пожилая дама с лорнетом.

По разбойничьему ухнув, тот бросился в воду, обдав брызгами стоявших рядом людей.

– Вот и мы окрестились, – с улыбкой вытерла платком лицо Ирина Аркадьевна. – Интересное представление, – весело кивнула мужу, взяв за руки детей и выбираясь из толпы.

– Пап, а ты чего же? – дёргал за руку отца Глеб.

– Да, папа, порадуй барышень, – рассмеялась жена.

«Веры не стало! Народ русский отходит от веры»... – перекрестившись, в задумчивости стоял пред ликом Спасителя отец Иоанн.

Несколько прихожан, видя, что батюшка молится, не подходили за благословением, а выжидательно крестились в стороне.

«Новые идеи... Они разрушают народную мораль и нравственность. Интеллигенция не ходит в церковь. Все эти нигилисты и эмансипированные стриженные девицы, восторженно приветствуют убийц... Убийц верных слуг царских. Дьявол торжествует! Но нет! – поклонился лику Христа, осенив себя крестным знаменем. – Господи! Помоги нам... Спаси и сохрани Россию!» – оглянулся на прихожан и сердце его преисполнилось радостью.

Огромная толпа стояла перед ним и ждала слова своего пастыря.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа! – начал службу отец Иоанн. – Возлюбленные братья и сёстры! – растроганно глядел на красивые, одухотворённые верой, лица простых русских людей. – Нам – русским православным людям, необходимо с особым благословением и тщанием блюсти чистоту и неповреждённость Святого Православия и России. Россия! Святая Русь! Дом Пресвятой Богородицы! Что стоит за этими, казалось бы, простыми словами?! За ними стоим МЫ!!! Русские люди! Россия есть государство народа русского, которому Господь вверил жертвенное, исповедническое служение. Народа-богоносца, народа-хранителя и защитника святынь веры, – с любовью глядел в добрые лица жадно слушавших его людей. – Народ!.. Это не простое слово... Это – МЫ! Мы – живы! Мы – есть! Мы – будем!..

ПОКА ВЕРИМ!!!

ВЕРИМ В БОГА!

ВЕРИМ В РОССИЮ!

Прошла зима, а за ней и весна.

Ранним июньским утром, заспанный Ефим, с вечной соломой в торчавших во все стороны волосах, но в новом пиджаке и чистой рубахе, вёз в ландо семью Рубановых, встретив их на станции в уездном городке, домой в родную Рубановку.

Что может быть приятнее поездки на лошадях ранним летним утром...

Когда чисто и тихо на душе. Когда чисто и тихо в воздухе, а из-за далёкого леса, освещая верхушки деревьев и серебря росу на зелёной траве, поднимается ещё более далёкое красное солнце.

– А давай-ка, братец, провези нас обходной дорогой, – велел ямщику Максим Акимович и жестом руки отмёл все возражения жены. – Давно я не был на родине, – встав и сняв фуражку, перекрестился на мутно видневшиеся в утренней дымке синеватого тумана, казалось, висевшие в воздухе, купала Покровской церкви. – Родина! – испытывая на языке вкус этого слова, ещё раз произнёс Максим Акимович, усаживаясь в раскачивающийся возок, и стыдливо отвернулся к старым кривобоким раkitам по краям бесконечной русской дороги и пальцами, незаметно смахнул набежавшую слезу.

То была такая редкая слеза счастья от спящих по сторонам зелёных лугов, от прозрачного воздуха, от бескрайнего простора вокруг, от испарений земли после тёплой ночи, от бесконечной русской дороги, то поднимающейся вверх, на пригорки и косогоры, то уходящей вниз, в лощины и овражки с прохладным ручьём. И пыльный лопух, и белая берёзка, и ромашки с васильками, и облака белого тумана над сонной ещё Волгой, с покачивающимся отражением раkit, и русская деревушка, и встреченное стадо, и запах

молока, и мычанье коров, и звон бубенцов, и топот лошадиных копыт, и ветерок, нежно глядящий щёки... И всё это – РОДИНА!..

Максим велел остановить коляску у бревенчатой старинной часовни с почерневшим от солнца и дождей крестом, и вновь перекрестился, сняв фуражку. Выйдя из экипажа, встал на колени и подставил ладонь под прозрачную, студёную ключевую струю, стекавшую из позеленевшего и покрытого мхом деревянного желоба в небольшой пруд.

Попробуйте, как вкусно, – предложил жене и сыновьям, шумно, по-детски, схлёбывая с ладони ледяную влагу.

Ирина Аркадьевна отказалась, а мальчишки с шумом выпрыгнули на мелкую, густую, мягкую травку, с удовольствием ощущая её под ногами, и тоже подставили ладони под тонкую прозрачную струю, отведав студёной родниковой воды.

И снова простор бесконечной дороги, и полосатый дорожный столб, и близкий уже лес, к которому вела узкая, заросшая низкорослой травкой колея.

Солнце постепенно стало ярко-жёлтым и начало ласково пригревать. А в лесу всё ещё было прохладно, и стояла вековая, как при сотворении мира, тишина.

Лошади шумно встряхивали гривами и фыркали. Усталые тени ложились поперёк дороги, безболезненно прокатываясь по лошадиным спинам, по путникам в коляске, и терялись в ветвях деревьев и кустарников. И снова яркое солнце, и зелень полей, и утренняя песня жаворонка, и село с церковью, и деревенские собаки, трактир с вывеской, и шаткий мостик, и вот она – Рубановка.

В третий раз, сняв фуражку, перекрестился Максим и заиграл желваками, с трудом удержав слезу, когда проехали арку с единицей и семёркой, объехали корявую акацию с бронзовым конногвардейцем и остановились у широких ступеней парадного подъезда.

Пока прислуга распаковывала чемоданы и таскала в дом вещи, Максим Акимович ходил по комнатам, дотрагиваясь до дедовских диванов, вдыхая запах давно ушедших лет, и чувствуя себя маленьким мальчиком. Представив, что за той вон дверью, в старом «вольтеровском» кресле, сидит его матушка и вышивает, а рядом отец в синем халате с малиновыми кистями, рассеянно глядит в книгу, думая о своём, и курит длинную черешневую трубку, раскрыл дверь и увидел старую свою няню, благоговейно чистящую суконкой и мелом икону Божьей Матушки в серебряной ризе.

Бережно положив на покрытый скатертью стол икону, неспеша подошла к Максиму и обняла его, прижавшись щекой к груди.

– Что долго не приезжал? – вздрагивали от рыдания её плечи.

– Служба, бабушка, – наклонившись, поцеловал её в голову, уловив чуть заметный запах мяты от волос, и вновь вспомнив своё детство.

– Орут-то как, окаянные, – отстранилась от «дитятки» нянька, вслушиваясь в топот и громкий говор за стеной.

– Пойду, прослежу, – поцеловал её в мокрую щёку Максим.

«А вот и внученьки!» – услышал, выходя, нянин голос и посторонился в дверях, пропуская своих сыновей.

Как и положено во время приезда, дом напоминал штурм русскими войсками Плевны.⁶

– Тудыть твою мать, ну куды, куды ты, ирод, корзины-то прёшь, – страдальчески морщась, руководил вселенским погромом, на правах старожилы, конюх Ефим.

Солома так и сыпалась с возмущённой его головы.

«Дервня! Пёс сиволапый!» – мысленно чертыхался приехавший с господами лакей, с удовольствием глянув в зеркало на свои аккуратно стриженные чёрные волосы с полосочками бакенбардов вдоль ушей.

Кроме него, на двух вместительных колясках, прикатили швейцар с гувернанткой и повар с горничной. Старичка-лакея на этот раз оставили в Петербурге.

– Ваше превосходительство, Максим Акимович, – бесконечно отбивал поклоны прилетевший в тарантасе староста, – как мы рады, как мы рады, – частил он, стремясь облобызать барскую ручку.

«Кланяться-то не умеет, рыжий пёс, а туда же», – надменно разглядывал деревенское начальство лакей.

«Мы-ы! Государь всея Рубановки!» – иронично глядел на старосту Максим Акимович.

«Понаехало вас, чертей, таперя покоя не будет», – добился своего, прижав губы к господской руке Ермолай Матвеевич, попутно ткнув себе большим пальцем в глаз для выбивания «радостной» слезы.

⁶ Русско-турецкая война 1877 – 1878г.г. 28ноября (10декабря) 1877г. после третьего штурма, турецкая крепость Плевна капитулировала.

Довольный, вытащил из кармана то ли платок, то ли знамя Рубановки и громко в него высморкался.

«Б-е-е-е! – отвернулся лакей. – Никакого, этого, как его, а-атикету у сиволапого», – выражая чуть согнутой спиной, с выступающими сквозь пиджак острыми лопатками, два фунта презрения к деревенщине, потопал в лаковых хрустящих штиблетах вниз, за вещами.

– Максим, ну где же ты? – зывала Ирина Аркадьевна, вихрем проносясь по комнатам и сыпля пепел из папиросы: «Не могли паркет натереть, как следует к приезду, и окна помыть, – искала она недостатки, чтобы выложить их на блюдечке мужу и старосте. – И куда это мой ненаглядный распорядился баулы поставить?! Ну, мужики!.. Все бестолочи... Хоть в лаптях, хоть в эполетах».

Вечером, только сели пить чай, прикатил полицмейстер доложить царскому генерал-лейтенанту о порядке в уезде.

Его супруга, часто дыша, запоминала каждую рюшечку на платье Ирины Аркадьевны, чтоб сшить себе точно такое.

Следом прибыл предводитель дворянства с женой и взрослым сыном.

А там и чернавский барин со своей половиной пожаловал, за ним – ильинский... Принесли второй стол и просидели до глубокой ночи.

Уже за полночь гости вспомнили, что хозяева с дороги и стали прощаться.

Глеб очень полезно провёл время в конюшне, осматривая лошадей, а потом один, не найдя брата, зыпрыгал по лестнице вниз, к Волге, намереваясь искупаться.

Аким, разложив вещи в комнате, отдохнув и попив чаю, направился в парк. Вдыхая аромат травы и зелени, прогулялся по широкой тополиной аллее, а затем свернул на узенькую, сплошь заросшую травой тропинку и прошёл к каменной беседке, приткнувшись к небольшому пруду и, затаив дыхание, слушал соловьёв, мечтая о том, что вдруг встретит здесь прекрасную белокурую даму, скачущую на белогривом жеребце. Конь, чего-то испугавшись, встанет на дыбы, она вылетит из седла... а он... он остановит коня мощной рукой... наклонится и коснётся губами мраморного лба... Нет, лучше щеки... нет, это не поэтично... конечно, лба... и в этот момент красавица раскроет чудесные свои, синие как небо глаза и улыбнётся ему... Нет, как же она улыбнётся, коли подвернула ногу..., она вскрикнет от боли..., а я...,я..., возьму её на руки и понесу... К нам в имение...

– Ак-и-и-м! – спутал его мечты голос брата.

«Конечно... Вот так всегда! Глеб увидит нас и скажет: «Кого это ты притащил? Девчонку хромую что ли?» – И испортит всю сказку, – пошёл на голос брата, раздумывая, как хорошо было бы очутиться на необитаемом острове. – Но лучше бы там очутился Глеб..., хотя бы на время».

А ночью бушевала гроза. Всполохи молний освещали комнату, вырывая из тьмы то портрет на стене, то циферблат часов, придавая им какой-то нереальный цвет и излом. Знакомая вещь казалась чужой и странной.

Аким подошёл к окну и даже присел от разорвавшегося над домом грома. В темноте раскачивались деревья и дождь сначала неслышной дробью, а после сплошным гулом стучал по крыше, шумно стекая с желобов в подставленные бочки, и наполнив их, вольно растекался ручьями по сторонам.

Он с трудом распахнул окно, чуть не расколов стекло, и вдыхал тугой, влажный воздух, игравший где-то под потолком с тюлью, и носивший по комнате какой-то лист или страничку календаря.

Было жутко. И приятно. И грезилось о чём-то возвышенном... Чего никогда не будет.

Чистое, вымытое утро сверкало солнцем, росой, зеленью трав и деревьев. В небольших, оставшихся от дождя лужицах, плескались воробьи. В саду пел соловей и пахло цветами, травой и вишней... Пахло Рубановкой... Пахло Россией.

Быстро одевшись и не понимая, куда спешит, Аким сбежал по лестнице вниз и столкнулся в дверях с нянькой, державшей в руках влажный букет ярких пионов.

– С праздником, внучек, – улыбнулась она, разбросав по лицу складки морщин. – Троицын день ныне. В церкву народ собирается.

«Троица! Как же я забыл», – чмокнув няньку в щёку, крутнулся от радости и, перепрыгивая через две ступеньки, помчался будить этого засоню – брата.

Ефим в праздничной косоворотке, чинно правил коляской, с запряжённой в неё парой лошадей.

Встречные крестьяне отходили с дороги и низко кланялись господам.

Несмотря на припекающее уже солнце, Максим Акимович не расстёгивал пуговицы мундира. Глядя на отца, мужественно потел в кадетской своей форме Глеб.

Аким надел шёлковую голубую косоворотку, а Ирина Аркадьевна, держа над головой зонтик, белела в коляске модным платьем.

Согласно давней уже традиции, идя последним по ведущей к храму дорожке, Глеб радовал нищих видом красного своего языка, с довольным видом побрякивая медью в кармане.

Калеки стойко терпели гнусное надругательство, не решаясь плевать в присутствии важного генерала, а то ведь становой пристав не поглядит, что ног нет, и прикажет всыпать по оставшейся над обрубками части тела.

В церкви приятно, словно в лесу, пахло травой, раскиданной по каменным плитам пола и берёзовыми листьями.

Крестясь, Максим Акимович поклонился Божьей Матушке, так похожей на прабабушку, и прошёл сквозь расступившуюся стену мужиков в праздничных рубахах, и женщин в белых платках, разноцветных юбках и кофтах.

Вдоль клироса и везде по храму были расставлены молодые берёзки.

Золото иконостасов с горящими свечами, украсилось гирляндами из зелёных пахучих берёзовых веток.

Почти у всех женщин в руках были цветы. Даже старушки держали маленькие букетики из ромашек, чтобы после обедни, придя домой, заложить троички цветочки за образа для достатка и особенно долголетия. Кому неохота ещё лет сто прожить, чтоб за снохами приглядеть.

После службы Рубановы поклонились своим предкам, и умиротворённые, вышли из церкви, ещё раз подав нищим, сидящим на паперти.

У Глеба, от такой щедрости, даже разболелся язык.

Немного в стороне от церкви, на лугу, гудела ярмарка, и братья потащили туда родителей. На свободной от телег площадке, кривлялись скоморохи. Пьяный мужик в лаптях, держа на цепи медведя, лихо отплясывал с ним барыню. По канату, натянутому на двух столбах, балансировала тоненькая девушка в красной короткой юбочке и чёрных трико.

Затаив дыхание, Аким глядел на канатоходку, на стройные её ноги, перебирающие канат.

Глеб, подняв несколько камешков, обстреливал медведя. Его абсолютно не волновали ещё женские ноги. Разозлив косолапого и его нетрезвого хозяина, отошёл от греха подальше и, подумав о чём-то своём, очень важном, уговорил отца купить ему глиняную копилку в образе рыжей кошечки с синим бантиком. Отвернувшись, высыпал всю мелочь из кармана в прорезь между кошачьих ушей.

Тут же, будто случайно, с господами столкнулся староста и, беспрестанно кланяясь и поздравляя со святым праздником, приглашал к себе, отведать, что Бог послал.

«Хоть и не по чину, конечно, но его рыжие предки верно служили моим... Следует поощрить беднягу!»

Ирина Аркадьевна наотрез отказалась, сославшись на мигрень, и Ефим повёз её домой. А Максим Акимович с сыновьями решил навестить верного своего слугу, заодно и проверить приходно-расходные книги, а то что-то мало, зараза, денег стал высылать.

В доме, по всему видно, готовились к приёму гостей. Стол был заставлен закусками.

«А неплохо крестьяне живут, – оглядел Максим Акимович жареные тушки курицы, утки и гуся, бутылки «Смирновской» водки, приправленную лучком селёдку, колбасу и сыр. – Так, так, – потёр он руки, – будет что рассказать Сипягину».

– А где «сама-то?» – услышал женский шёпот через открытую дверь.

– Не смогла. Какой-то Мигрень её ждёт.

– С ума сошла. Мужа не стыдится.., – вошла в залу супруга старосты, раскладывая на столе маленькие полотенца для рук.

Акима с Глебом совершенно не интересовали взрослые разговоры, и через полчаса они убежали на улицу, столкнувшись там с двумя рыжими сыновьями старосты.

–О-о-о! Васятка, станцуй вприсядку, – узнал моряка с потонувшей шхуны Глеб.

–Кадет! На палочку одет! – не остался в долгу «морской волк».

Глеб на секунду опешил от наглости, и тут же бросился на обидчика.

Рыжий нахал не растерялся и, обхватив барчука, вместе с ним покатился по земле.

Аким насилиу разнял драчунов.

– Ну, ну.., ты ещё от меня получишь, – сжимал кулаки Глеб.

Рыжий молча сверкал на него глазами.

Аким отряхивал брата и с уважением поглядывал на Васятку.

Ещё через полчаса на крыльце показался отец:

– Мост через овраг почините, – чуть заплетаящимся языком выговаривал он старосте. – И с этой стороны крестьянская земля и с другой.

– Да-а, ваше превосходительство. Мы со всей превеликой радостью... Да чернавских мужиков не уговоришь никак, чертей косматых, – усаживал барина в возок староста, сам устраиваясь на облучке.

– В Рубановке почти три сотни домов, сами не осилите, что ли?

Сыновья уже сидели в коляске и Глеб исподтишка, чтоб не видел отец, грозил кулаком рыжему пацану.

Вечером, на двух колясках прикатил губернаторский кортеж.

– Максим Акимович, поздравляю вас с двумя праздниками! – обнял и трижды поцеловал Рубанова губернатор. – Позвольте облобызать вашу ручку, мадам, – пошёл к Ирине Аркадьевне.

Максим Акимович в это время с удовольствием касался губами душистой руки губерна- торши.

– Борис Сергеевич, отчего не назовёте второй праздник? – глядя в чуть выпуклые бес- цветные глаза гостя, поинтересовался Рубанов.

– Как! Разве вы не читаете газет? – одышливо произнёс тот, поглаживая свой необъятных размеров живот. – А вот вам и телеграмма, – щёлкнул пальцами в сторону приехавшего с ним худого чиновника в парадном вицмундире, – из канцелярии министерства двора, – сморщил полное лицо, глядя, как тот роется в кожаной папке. – Пожалуйста! – протянул наконец бланк с царскими вензелями. – Вторая дочь родилась у царской четы... Вот. Дата. 29.05.1897г.

– Какая радость! А мы в этот день из Питера выехали, – воскликнул Максим Акимович, думая про себя, как переживает сейчас император. Ведь он так надеялся на рождение сына.

«Вот это общество! – взяла под руку губернаторшу Ирина Аркадьевна. – А то стану я с мужиком Троицу отмечать».

Словно пчёлы на мёд прилетели другие гости.

Первым прибыл предводитель уездного дворянства с супругой. Почти следом за ним чернавский барин с женой. Последним, когда все уже сидели за столом и выпили по первой за рождение великой княжны, появился ильинский помещик.

Детей за стол не сажали, и они занимались, кто во что горазд.

Глеб то раскачивался, то вертелся вокруг оси на верёвочных качелях, приделанных вчера мужиками к толстой берёзовой ветке. Аким, прежде тоже покачавшись, отправился в людскую, потолковать за жизнь с няней.

Народу туда набилось – страсть. Здесь так же пили за Троицу и один из работников ловко брэнчал на балалайке.

Кто-то его услышал из вышедших освежиться господ, и музыканта на некоторое время забрали наверх, в гостиную,

За этот час тишины, угощаясь чаем с пастилой, Аким узнал от няни, что на Троицу, после обедни, начинается веселье сельской молодёжи. Так же услышал о многих сельских традициях.

– Вот ведь какие дела, – вытерла нянька глаза, вспомнив перебранку старины глубокой.

Когда вернулся от господ пьяненький балалаечник, Аким ушёл в яблоневый сад, протянувшийся по склону горы вдоль берега Волги и, раскачиваясь в гамаке, провалился до самого темна, мечтая о голубоглазой красавице, глядя в небо, слушая соловьёв и звуки рояля из дома.

В конце месяца ездили встречать на станцию в уездный городок, Рубанова-младшего с семьёй.

– Какой ты бледненький, брат, – обнимал Георгия Максим.

– Зато ты словно эфиоп загорел, – чмокнул руку Ирины Аркадьевны, с раздражением замечая, как Максим в обе щёки целует смеющуюся его жену.

«Слишком беспардонным стал в деревне. Весь этикет забыл. Нет на него мадам Светозарской или как там её...»

– С уверенностью нахожу, что Ромашовка краше Рубановки, применил одну из профессорских штучек, дабы отвлечь брата.

– Чего-о? Да Рубановка лучше Петербурга, – возмутился Максим, но по задумке брата, отвлёкся от щёчек его жены.

Двенадцатилетняя Лиза чопорно протянула старшему кузену руку для поцелуя.

«Вот ещё!» – подумал тот, по примеру отца расцеловав её в щёки.

Следом налетел младший кузен, сбив с сестры соломенную шляпку.

«Дервня, что про него скажешь», – сделала она вывод.

Ирина Аркадьевна в это время тискала одетого в матроску семилетнего Арсения и маленького Максима.

– Во, как подрост, – погладил по голове малыша Максим Акимович.

– Ну как столица? – сидя за столом на балконе, задал банальный вопрос старший брат.

– Страсть как пушки палили, когда девчонка родилась, – по-деревенски зачастил Георгий, мелко при этом крестясь.

Отсмеявшись, обсудили царскую невезуху.

– Вот у меня – двое сыновей, – похвалился Рубанов-старший.

– Тихо, тихо, – остановил его профессор, – понял, что ты хочешь сказать, но его величество сам пусть трудится, – оглянувшись, нет ли поблизости детей.

– Как вам не стыдно, господа, – покраснела Любовь Владимировна, – один – генерал, другой – профессор.., и к тому же взрослые люди.

– Вот именно, что генерал, – развеселился чуть опьяневший Георгий Акимович, – кость, она и есть – кость! – постучал себя по лбу.

– А ежели на дуэль вызову? – обиделся старший брат. – Я, между прочим, академию кончил... Вот ответ, господин профессор, какова глубина устья Волги?

–???

– Молчишь? А Сены? Скажи, сколько пристаней от Рубановки до Астрахани?

– Может ещё сказать, сколько колец в носу папуаса из племени Ханги-Манги? – перебил Максима брат. – Зачем мне всё это нужно знать? Это вам, душечкам военным, особенно академикам, свойственно кичиться своей эрудицией... Как же. Зная, сколько колец в ноздрях, вы путём математических подсчётов определите, сколько в стране добывают металла, а ещё маленько покумекав, определите и число копей в армии Ханги-Манги и на какое расстояние их можно запулить.

– Зато вы, господа профессора, точно знаете, с какой ноги встал с постели Гоголь на третий день после написания «Мёртвых душ», и в каком кармане носил носовой платок Белинский.

– Мы служим народу, а вы – престолу! – отодвинул от себя тарелку Георгий.

– Ага! Как Петрашевский,⁷ который ляпнул: «Не находя ничего достойного своей привязанности – ни из женщин, ни из мужчин, я обрёл себя на служение человечеству!»

– Да разве плохо служить человечеству?

– Господа, господа, перестаньте! Вы же не на студенческом диспуте, – попыталась разнять их Ирина Аркадьевна, но мужчины не слушали её.

– Оглянись, какая вокруг тебя красота, – обвёл рукой луга, далёкий лес и небо Максим. – Есть прекрасная проза. Великая поэзия... Вот и следует думать не о страждущем человечестве, а об умном, гармоничном, духовно развитом человеке, который поднимается ввысь, к Богу, а не опускается вниз, к земле, как Толстой. Благодаря таким вот опростившимся эстетам, мир катится в пропасть хамства и невежества, вместо того, чтобы взлететь к высотам культуры и красоты... А цветущая культура возможна лишь в сильном, могущественном государстве... Вот с того и идёт трагедия России, что русские дворяне с одинаковой гордостью носят ордена и кандалы...

– В этом не трагедия её, а благо! – перебил брата Георгий.

– Благо в служении престолу и России, а не в раскачивании государства, – оставил за собой последнее слово Максим Акимович.

Поздней ночью, когда все спали, Аким схватил одежду, на цыпочках спустился на первый этаж, вылез в окно, и по ночной прохладе устремился в сад, полюбоваться ночной Волгой.

Высоко-высоко в тёмном небе блестели звёзды, а далеко-далеко внизу, по чёрной воде, бесшумно скользили плоты с горевшими на них огоньками.

И где-то там, в непроглядном сумраке горизонта, небо сливалось с рекой, а огоньки на плотах – со звёздами.

«Вот бы попасть туда и точно узнать – река течёт к небу или небо опускается к реке...».

Поздно утром, позавтракав, большой компанией спускались по старинной лестнице вниз, к Волге.

⁷ Петрашевский М.В. (1819 – 1867г.г.) Основал в 1848г. либеральный кружок, в котором состоял и Достоевский. В 1849г. сослан в Сибирь.

Первыми шли взрослые господа, следом дети, а замыкали шествие работники с баулами и чемоданами.

– Спасибо, нет старичка-лакея, – запугивал детвору Аким, – он бы точно выронил сак-вож и нас всех смело бы в Волгу.

– Вас бы смело, а мы бы остались, правда, Максимка, – вела за руку младшего брата Лиза.

– Друзья мои, как замечательно было бы искупаться, – нараспев произнесла Любовь Владимировна, поплескав рукой в тёплой воде.

– А зачем же дело стало? Вон за беседкой купальня...

– Нет, нет, нет. Мы не одеты к купанию, – сходу отверг предложение брата Георгий Акимович.

– Георгий, ты шутишь, купаться следует раздетыми...

Но младший брат оставался неумолим, и бодро топал к небольшой пристани с двумя катерами и полудюжиной лодок, находившейся в сотне саженей⁸ от купальни.

– Один катер ваш, ромашовский, вон тот, дерьмовенький, а вот этот белоснежный красавец, наш, рубановский, – подначивал брата Максим Акимович. – Сегодня располагайтесь и привыкайте к деревенскому быту, а завтра нанесём к вам в Ромашовку визит, – помог затащить баул в катер Рубанов-старший.

Настал июль.

Няня варила за домом, на двух примусах, клубничное варенье. Ей помогала крепкая девка в широком сарафане и с русой косой по спине. А снимал и ставил тяжёлые тазы молодой работник в закатанных до колен штанах и когда-то светлой, а теперь потемневшей от пота и копоти, идущей от примусов, рубахе.

Но в основном он сидел на корточках, и пялился на статную молодую работницу.

С другой стороны, на небольшой скамейке под деревом сидел Аким, тоже наблюдая за молодой, хлопотавшей у одного из тазов.

Рядом с Акимом сидел брат с блюдцем в руках и ждал появления пенек.

– Манька, ну накладывай, накладывай детям пенки, – руководила нянька. – А ты, Федька, чо тут расселся как статуя? Тащи сюды энти вёдра с клубникой.

Потом всей семьёй обедали на выходящей в сад веранде, за накрытым белоснежной скатертью столом.

Казалось, весь мир плавился от зноя. Есть не хотелось, хотелось пить.

В невероятных количествах поглощались холодные компоты, и квасы из ледника.

После обеда взрослые шли отдыхать в спальную, а ребята мчались на речку. Для просмотра, с ними отправляли недовольную, изнывающую от жары, гувернантку.

– Господа! – язвительно морщилась от этого слова. – Далеко не заплывайте, – направилась она ополоснуться в купальню.

– Мадемуазель Камилла, а Клеопатра Светозарская плавать умела? – крикнул ей вслед из воды Глеб.

И это была глубокая его ошибка. Даже глубже Волги.

Гувернантка в задумчивости пару раз открыла и закрыла зонтик и вернулась к ребятам, остановившись у кромки воды.

Собрав в лёгкие весь кислород, находящийся в ближайших десяти саженях, Глеб нырнул, бойко работая под водой руками, но течение было на стороне мадемуазель Камиллы. Вынырнул он на том же самом месте, успев выслушать, пока проморгался, отдышался и вновь запасся

⁸ Сажень – 2,13 метра.

для нырка кислородом, лекцию о благовоспитанных мальчиках, которые не станут задавать собеседнику бестактные вопросы.

– Светский разговор, мон шер, – вновь поморщилась она, – должен быть приятен и оставлять за собою хорошее впечатление о собеседнике..., он должен быть преисполнен заботливости к присутствующим лицам...

«Вот и позаботьтесь обо мне молчанием», – хотел произнести Глеб, но лёгкие ещё не наполнились достаточно кислородом для разговора, и он стоял перед мадемуазель Камиллой в облепивших ноги штанишках, тёр глаза и как вытасенная из воды рыба открывал и закрывал рот.

Гувернантке это очень понравилось. На этот раз она вдохнула в себя весь близлежащий кислород, чтоб барчуку поменьше досталось, и на одном дыхании произнесла:

– К сожалению, месье, пагубное вторжение нигилизма так грубо поколебало все хорошие свойства общества, что всякая вежливость сделалась оригинальностью, и то, что ещё недавно считалось изящными манерами и вежливыми разговорными оборотами, нынче вызывает на многих лицах насмешливую улыбку, – строго глянула на своего малолетнего оппонента, но улыбки на лице не обнаружила. Подкрепившись хорошей порцией воздуха, продолжила: – Но нас пока поддерживает надежда, – дирижировала себе зонтиком, – что благомыслящая молодёжь... – глянула вслед с крейсерской скоростью улепётывающему от неё Акиму.

Руки его методично выскальзывали из воды, а ногами он поднимал огромные буруны волн, не уступающие тем, которые производил идущий в полуверсте колёсный пароход.

На этот раз Глеб первым успел вобрать в себя близлежащий кислород и, погружаясь в воду, с наслаждением чувствовал, как постепенно затихает голос наставницы, оставаясь там, наверху.

К тому же, увидев высокую волну, идущую то ли от парохода, то ли от Акима, мадемуазель Камилла почла за лучшее удалиться подальше от берега и, наконец, направилась к купальне.

– Аким, давай её, как следует напугаем, может, заикаться начнёт и от нас отстанет, а ежели подфартит, то и вовсе онемееет, – предложил брату Глеб, когда тот, увидев, что опасность миновала, приплыл к берегу.

– Сударь! Где вы набрались подобных неприличных выражений? – подражая мадемуазель Камилле, заунывным голосом, нравоучительно подняв кверху палец, гундел Аким, стоя по пояс в воде. – Что значит «подфартит»? Многие молодые люди, не особо обременённые воспитанием, – палец обличающе уткнулся в брата, – да и образованием, кстати сказать, потому как читают по слогам, имеют жалкую привычку применять в разговоре фразы, вынесенные ими из кадетских корпусов...

– И гимназий, – сумел вставить поражённый Глеб.

– ... выражения: «подфартить», «козырять», «намылить голову», «конка», «чугунка», «на боковую», принадлежат к выдумкам людей дурного тона, один из представителей коих находится рядом со мной, не стану ещё раз указывать пальцем, кто это... Эти невоспитанные мальчики часто применяют так же простонародные восклицания: «неужто», «авось», «небось», «вот те на», и что ещё хуже, вводят в свою речь слова, значение коих по малолетству и глупости не понимают. Так «аппарат» у них соответствует слову «транспорант», а «будуар» путают с «бульваром...».

Глеб, не дослушав брата, исхитрился заткнуть пальцами одновременно глаза, нос, уши и, якобы теряя сознание, упал спиной в воду.

Придя в себя, стал обрисовывать перед Акимом план военных действий против гувернантки.

– Вырос я из этого возраста, стратег ты мой ненаглядный, – перебил брата и вылез из воды погреться на солнышке.

– Ну, ежели трусишь, один пойду её пугать, – обиделся Глеб и зашлёпал по воде к купальне.

Когда до неё осталось несколько сажений, то тихонько поплыл по-собачьи, мотая перед собой руками и вытянув из воды шею.

Акиму стало любопытно, и он пошёл по берегу поглядеть, чем закончится дело.

Глеб, по простоте душевной, без всяких выкрутасов и вредных загибонов, кои осуждает мадам Светозарская, подплыл к кабинке, где остужалась мадемуазель Камилла и дико заорав, что есть мочи стал колошматить в дощатую стену подобранным булыжом.

От такого вопля даже Акиму стало не по себе. В Рубановке завыли собаки, а в кабинке завизжала мадемуазель Камилла, через секунду выбежав из неё и представ перед Акимом, в чём мать родила.

У него даже челюсть отвисла, когда увидел стройную фигуру француженки. Замерев, он не мог отвести глаз от этого чуда, так неожиданно представшего перед ним. Ноги его, казалось, приросли к песку, дыхание стало прерывистым и частым, сердце громко стучало в груди, и ток крови больно пульсировал в висках.

Он понимал, что стыдно вот так стоять перед раздетой женщиной и глядеть на неё. Клеопатра Светозарская ярко бы обличила его поведение, обвинив в отсутствии такта и добродетели, указав на неприличную развязность, бросающую неблагоприятную тень на репутацию молодого человека, но он ничего не мог с собой поделать. Глаза, помимо его воли, жадно вбирали в себя все линии, изгибы и выпуклости стоявшего перед ним женского тела.

Мадемуазель Камилла опомнилась первая и, пренебрегши наставлениями своего кумира, сделала шаг вперёд и со всего размаха ударила по щеке Акима, сказав по-французски «свинья» и спокойным, уверенным шагом – чего теперь бежать-то, направилась обратно в купальню.

Аким не обратил внимания на пощёчину, и даже когда обнажённая гувернантка скрылась за дверцей купальни, всё не мог сдвинуться с места, вспоминая представшее перед ним видение.

– Ну что, Аким, – тормошил его вылезший из воды брат, – расскажи, как дело было, а то я визг услышал и сам испугался, не решился сразу выйти...

Вечером мадемуазель Камилла делала вид, что ничего не произошло. По-видимому, ей тоже было неловко.

Аким всю ночь не мог уснуть, представляя дамский силуэт.

Утром, попив чаю за покрытым клетчатой клеёнкой столом, стоявшим под яблоней в саду, отец с сыновьями, пока Ирина Аркадьевна спала, решили прогуляться верхами на лошадях.

Рубанов-старший сам набросил седло и взнуздal белого в яблоках жеребца по кличке «Огурчик».

Видимо, пятна на шерсти ассоциировали у него с пупырышками на огурце, когда несколько лет назад придумал имя жеребёнку.

Гнедой конь под Акимом, которого запряг Ефим, прозывался «Помидорчик», а каурая смиренная кобылица под Глебом и вовсе звалась «Сливой».

Вероятно, родились они в урожайные годы или, давая кличку животным, Максим Акимович жевал данный плод.

– Не горбись. Уверенней сиди, – учил детей отец, гарцуя перед ними на жеребце и, рисуясь, поднял его на дыбы, а затем пустил коня в галоп.

Следом за ним понеслись сыновья – ведь не первый раз в седле.

Миновали луг со скирдами душистого сена, и перешли на рысь, углубившись в необъятное море ржи с двух сторон от дороги.

Солнце начинало припекать, но жары пока не чувствовалось, к тому же свежий ветерок приятно остужал лицо и грудь, принося запах скошенного сена с лугов.

Перейдя на шаг, проехали неширокие полосы овса и гречихи, наблюдая за комочками пчёл, берущих с цветов мёд. Повернули в сторону леса и выехали на луг, вдыхая запах лошадиного пота, клевера, васильков и ромашки. Вскоре добрались до опушки леса с берёзовым молодняком и протоптанной широкой тропинкой, ведущей в прохладный сумрак высоких зелёных деревьев. Долго ехали лесом, отводя руками тонкие ветки, и вдруг остановились, наткнувшись на небольшое лесное озеро. Сразу не слезли с коней, наслаждаясь церковной торжественностью природы.

– Ежевика! – вскрикнул Глеб, и кубарем скатившись с лошади, присел над ягодами, жадно толкая их в рот.

– Волчья ягода, – сорвав несколько ягод, Аким подошёл к озеру, спугнув здоровенную лягушку, и с наслаждением плеснул водой в разгорячённое лицо, освежив следом грудь и голову.

Кони фыркали, почуяв воду, но Максим Акимович сразу не пустил их пить, охлопывая подождал, пока они успокоились и отдохнули от скачки.

Обратно выбирались по другой тропе, гадая, куда она приведёт. Деревья неожиданно расступились, и они увидели в полуверсте,⁹ за рожью, Рубановку. Только выехали к ней с обратной от широкой дороги стороны.

Миновав пыльную улицу, с двух сторон огороженную плетнями, остановились перед воротами двухэтажного кирпичного дома с медным петухом на крыше.

– Все дороги ведут к старосте! – спрыгнул с коня Максим Акимович, бухнув сапогом в калитку, сбоку от ворот.

Со стороны двора захрипел от ярости, гремя цепью, облезлый волкодав. Подождав минуту, уже все трое стали барабанить по двери, доведя этим бедного пса до немого психоза. От подобной сверхнаглости, он уже не гавкал, а сипел на одной ноте, вертясь на цепи, как давеча на качелях, Глеб.

Наконец калитка открылась и высунулась голова взбешённого, как его пёс, Ермолая Матвеевича.

Увидев приезжих, лицо его, словно у актёра, прошло все мыслимые метаморфозы, начиная от удивления, которое он выразил выпученными глазами, и заканчивая наигранной радостью, выразившейся в широкой улыбке, избородившей щеки тремя овальными складочками.

– Вот кто приеха-а-л... А мы думаем, кто это стучит... Вот радость-то, – засюсюкал он, повернувшись и пнув в сердцах кобеля, мигом залетевшего в будку. – Заходитя-я, заходитя-я скоренько-о... Уж как я вас жда-а-а-л, – подумав, добавил ещё и «с». – Чуюло сердце, чуюло-о-о, – загородил будку корытом, наставив на гостей зад с лопнувшими по шву штанами.

Прокашлявшись и немного придя в себя, волкодав решил показать, кто в доме хозяин и, напыжившись, мощно рявкнул в корыто и затих, до глубины собачьей души поражённый своим рыком.

Ермолай Матвеевич провёл гостей грязным двором в сад, раскинувшийся за домом, велел по пути работнику привязать лошадей и дать им овса.

Сидя под деревом почти за таким же, как и у них, столом, с такой же, в клеточку, клеёной, они увидели жену старосты и идущую следом за ней ещё одну женщину.

Старостиха вынула из плетёной корзины три запотелых коричневых глиняных горшка с молоком, а её помощница поставила на стол поднос с караваем.

– Молочко только что из погребницы, – певуче произнесла хозяйка, – а хлебушко утром испекли.

⁹ Верста – 500 сажений – 1,07 км.

Никогда ещё Аким не пил с таким аппетитом молоко вприкуску с тёплым, душистым, белым хлебом.

Умяв на троих целый каравай, любовались садом, вдруг приметив, как по одному ему ведомой тропинке, идёт старший сын старосты.

Приблизившись к гостям, он поклонился, пряча за спиной руку.

– Чего у тебя там, наган что ли? – усмехнулся Максим Акимович.

– Никак нет! – покраснел мальчишка, протягивая барину потрёпанную книжицу.

– А.С.Пушкин, – прочитал тот. – Молодец! Вот с кого пример бери, – попенял младшему сыну.

Глеб глядел на рыжего, как на них облезлый волкодав.

Аким взял у отца книгу, полистал и удивлённо оглядел Васятку. Так несопоставим был Пушкин и этот курносый невысокий мальчишка, с синими мечтательными глазами.

– Нравится? – спросил у него.

– Очень! – закивал тот головой.

– А что ещё читаешь?

– Книг больше нет. Тятка не хочет на баловство деньги выбрасывать, – совсем застенялся парнишка.

– Ну, так я тебе завтра Некрасова привезу, – пообещал, поднимаясь с лавки Аким.

– Нужен он тебе, – когда ехали домой, ревниво выговаривал брату Глеб, – просветитель нашёлся, – совсем обидевшись, стегнул в сердцах лошадь.

Отец мчался далеко впереди.

– Но-о! – заорал Аким и тоже понёсся, вдыхая упругий ветер.

Белая рубаша пузырилась у него на спине.

На следующий, день всей семьёй, качаясь на волнах, пересекали Волгу на пыхтящем от усердия катере. Нещадно дымя трубой, и что есть силы сигнала, катерок сбавил скорость, пропуская огромный белый пароход с нарядным народом на палубе.

Балуясь, Аким стянул с себя рубашу и принялся махать ею над головой.

Тут же с парохода, веселясь, ответили ему белыми платками, шляпами и даже зонтиками.

Корабельный оркестр на верхней палубе, посвятил дымящему трубой катерочку туш.

– Какая честь, – смеялся Максим Акимович, тоже помахав вслед пароходу.

«Как хорошо всё в этом мире», – думал Аким, раскачиваясь на волнах.

На ромашовском берегу их уже ждали две пролётки.

– А мы вас ещё вчера надеялись встретить, – обнимала подругу на террасе дома Любовь Владимировна.

– Вчера была конная прогулка, – пожимая руку брату, сообщил Максим Акимович.

Лиза, на правах хозяйки, повела подрастающее поколение в белую каменную беседку, откуда все полюбовались на Волгу. Потом показала заповедные места, где росла малина и краснели редкие ягоды отошедшей уже клубники.

– Ну что, Аким, Ромашовка лучше Рубановки? – идя по липовой алле к дому, поинтересовалась она у кузена.

– Чем это, интересно? – возмутился тот.

– Чем лучше? – подхватил тему Глеб. – У вас Венус в клумбе, а у нас – конногвардеец. И цветов у нас больше и сад лучше.

– Дураки! – показала им язык двоюродная сестра и убежала в дом.

– Нечего и обижаться, – рассуждали братья, сидя в тени на террасе, – подумаешь, площадка для крокета у них есть... Зато у нас – гамак и качели.

– Мальчишки, где вы, – позвала братьев Любовь Владимировна, – мы едем на пикник.

У чугунных ворот уже ждали два поместительных ландо с распаренными кучерами. Ещё одну коляску с провизией отправили в путь пораньше.

– Чего здесь встали, надо было к дому подъехать, – обругал работников гужевого транспорта Георгий Акимович. – Сюда корзины ставьте, – указал прислуге. Как всегда, в последний момент выяснилось, что чего-то забыли. – Эх, и бестолковый народ! – пожаловался брату.

– Я тебе и говорю, что солдаты лучше, – одним махом оказался в ландо Максим Акимович. – Давно я не видел Ромашовку, – наблюдал за босоногими, белоголовыми детьми, в домотканых рубахах, игравших в пыли на дороге. – Постоялый двор какой отгрохали, поболее нашего.

– Зато у нас трактир обширнее, – развеселил всех Глеб, разглядывая каменную церковь и стрижей, летающих над колокольной.

– А у нас кузня лучше, – вступился за честь Ромашовки сидевший у отца на коленях Арсений.

Он ещё не понимал, что такое трактир или постоялый двор, но точно знал, что у них всё самое лучшее.

Выехали на простор полей и бойко запылили по дороге с колосащейся по сторонам рожью. Через полтора часа углубились в небольшой лесок и ещё полчаса потряслись по колдобинам лесной дороги, больше похожей на тропу, выехали на мелколесье и остановились у тихой неширокой речки с поросшими травой берегами и вёслами, наклонившимися к воде.

Неподалёку, в купе берёз, стояла старая, при царе горохе строенная мельница, с привязанной у плотины утлой лодчонкой. Вода монотонно журчала у огромного, покрытого зеленью колеса.

– Вот это да-а! – восхитился Аким и вместе с братом помчался исследовать мельницу.

У колеса их догнали Арсений и Лиза. Несколько минут молча глядели на пенящуюся и урчавшую воду.

– Вот тут водяной живёт, – указал на омут с воронкой водоворота Глеб.

Арсений прижался к сестре.

– Сом большущий может и живёт, а водяных не бывает, – погладила по голове брата Лиза.

– Так скажи ещё, что и леших не бывает? – оскорбился Глеб.

– Конечно, скажу, – направились она к мельничному сараю, ведя за руку брата.

Огромная, воркующая стая голубей покрывала балки под дырявой крышей и щелястый пол забелённого мучной пылью сарая.

Вдруг голуби беспокойно загалдели, громко хлопнули крыльями, но тут же успокоились, уступив дорожку белобородому, в белой рубахе и белых от мучной пыли портках, старому мельнику.

– Леший! – заорал Глеб.

Завершав и бросив брата, Лиза помчалась к родителям.

– Не бойся, – успокоил дрожавшего Арсения Аким, – это добрый дедушка-мельник, – не совсем уверенно произнёс он, отступая на шаг, а потом тоже решил побыстрее вернуться к взрослым.

Глеб, разумеется, последовал его примеру, даже обогнав брата.

У родителей царила полная идиллия.

На расстеленный кучерами ковёр, под раскинувшейся шатром ракушкой, женщины наставили тарелок с нарезанной колбасой, сыром, ветчиной, тонкими ломтиками балыка, в капельках проступившего жира. Стояли в ряд раскрытые судки с кусками жареной курятины, индюшатины и осетрины. Зеленели посыпанные солью, продольно разрезанные огурцы. На салфетках лежали горки душистого белого хлеба. И это изобилие украшалось разнокалиберными бутылками сельтерской, лимонада и различных вин.

Все расселись вокруг ковра, кто на коленях, кто, сложив ноги по-турецки. Лёгкий ветерок отгонял назойливую мошкару и мух, принося свежесть от воды и деревьев. Монотонно шумел водный поток у мельничного колеса, пели птицы над головой, в траве стрекотали кузнечики...

Нет ничего приятнее еды на природе!

Даже маленький Максим, которого кормили с помощью различных хитростей и уловок – ложку за папу, ложку за маму, мял за обе щёки, и просил дать то кусочек курятины, то колбаски.

Первые минуты насыщались молча, без разговоров, запивая еду кто вином, кто сельтерской. Чуть насытившись и отдышавшись, Рубанов-старший прервал молчание:

– А хорошо бы сейчас цыган послушать!.. – Но сказал это зря...

Жёнам цыгане были и даром не нужны, что они горячо высказали Максиму. Родной брат тоже оказался предателем, приняв сторону женской половины.

– И ты – Брут! – трагически воскликнул Максим. – Ясное дело, сейчас бы сюда курсисток группу, да лекцию им прочесть...

Задетый за живое, Георгий, приводя исторические примеры, долго ему доказывал, что только военные, особенно стареющие генералы, над курсистками мечтают командовать, а молодежавые профессора – молодежато выпячивал грудь, совсем не такие. Они сеют в молодых умах разумное, доброе, вечное...

К вечеру, когда жара начала спадать, тени удлиняться, а вода в реке манила освежиться, Максим взял управление компанией в свои генеральские руки.

– Дамы и господа, – захопал он в ладони, привлекая к себе внимание, потому как все давно уже разбрелись и занимались каждый своим делом: Георгий дремал, женщины болтали, Аким читал, младшие дети играли у воды... – А не искупаться ли нам? – вопросительно оглядел окружающих.

Детвора, которая находилась далеко, и, казалось бы, не должна была услышать предложение, восторженно завизжала, высказывая полное одобрение. Те, кто находились рядом и кому, собственно, предназначался вопрос, промолчали, то ли не услышав, то ли раздумывая.

– Да нам и купаться-то не в чем, – первым высказал своё мнение Георгий Акимович.

– Да и не надо ничего... Женщины и дети расположатся вон за теми кустами, – развивал стратегический замысел Максим Акимович, – мы прикроем свои тылы растущей у воды раки-той, – в глазах его отражалась четырёхвёрстная карта местности со всеми кустами, овражками и деревьями годными к маскировке. – Полотенца обтереться у нас есть, – поставил точку в военном плане, и тут же приступил к акции, снимая рубаху. – Дно прекрасное, песочек, – зайдя по пояс в воду, сообщил он и нырнул.

Георгий стал уже волноваться за брата, когда услышал женский визг и догадался, что зря согласился купаться сам и, особенно, разрешил жене.

Она-то и вопила, отбиваясь от наглых рук бравого вояки, который, дурачась, во всю глотку орал:

–Куда это меня занесло, братцы?!

«Куда плыл, туда и занесло, – вздохнув, погрузился в воду Георгий Акимович. Плавать Рубанов-младший не умел. – Да профессорам это и ни к чему. Пусть студенты на экзаменах плавают, – грустно размышлял он, плеща на лицо пригоршни тёплой воды. – Чего они там делают?.. И куда Ирина Аркадьевна смотрит?.. Да, наверное, туда же, куда и моя супруга. Никакой серьёзности в людях, – пессимистически заключил он. – Ну не дай бог, через девять месяцев ребятёночек появится... Утонуть что ли, дабы отвлечь их?» – вслушивался в шлепки ладоней, визг и женский смех.

Самому ему было не до веселья.

«Редко, но случается, что и профессура Санкт-Петербургского Императорского университета ошибается», – сделал он умозаключение и погрузился с головой в воду.

Как умный человек и к тому же либерал, топиться не решился, зато горой стал на защиту устоев семьи и произнёс пламенную речь, из которой следовало, что забытое женщинами полотенце должен отнести он, но никак не старший братец. У профессоров это лучше получается...

После долгих споров, отнести вещь доверили вылезшему из воды Акиму.

Умиротворённые, тихо ехали обратно меж двух стен колосающейся ржи, любуясь церковными куполами, сверкающими вдалеке ярким предвечерним золотом. Над головой кружили ласточки и где-то высоко, у самого заходящего солнца, звонко пел жаворонок. И песнь его перекликалась с далёким колокольным звоном.

Настало то время, когда марево знойного дня растворилось в воздухе, и над просторами полей, рекой и лесом разлился нежный, прозрачный свет наступающего летнего вечера.

Акиму было уютно и спокойно ехать в кругу многочисленной семьи, и жизнь казалась бесконечно длинной, как расстилающаяся впереди дорога...

Вечером следующего дня, оседлав Помидорчика и сунув за пазуху книжку Некрасова, под язвительные замечания брата, Аким миновал знаменитую арку и вскачь понёсся к Рубановке. Вскоре он уже пылил длинной прямой улицей, и остановил разгорячённого коня у ворот кирпичного дома старосты. Калитку ему открыл ожидавший его Васятка.

– А я думал ты не приедешь, – загнал в конуру хрипевшего шелудивым своим бешенством пса.

Аким не обиделся на «ты», а принял это как само собой разумеющееся между приятелями.

Ермолай Матвеевич, увлечённо распекавший во дворе работника, поклонился барчуку и уважительно поздоровался, вновь принявшись воспитывать непутёвого парня:

– Вот скажи, Митрий, зачем ты туды-сюды по двору шляисси? – рванув ворот свой рубахи, требовательно глядел на работника.

– Чаво? – улыбнулся вихрастый конопатый малый в грязных портах, и почесал пониже спины, чтоб показать своё отношение к хозяину.

– Чаво, чаво, – по-лошадиному помотал головой, вытянув шею, староста. – Ведомо чаво... и лыбиться не надо... Смешливый какой выискалси, – грозно оглядел мускулистого высокого парня с потным, обнажённым торсом.

– Ничо и не лыблюсь вовсе, а топор ищю.

– Весь день его ищешь, штоль? Надорвалси от поисков. Тебе, пню конопатому, што было приказано порядошным человеком?

– А чо-о? – удивился работник, с трудом сдерживая улыбку.

– Чо, чо... дверь навесить на сарай, вот чо-о. А ты чо?

– А я ничо. Там эта-а, петля соржавела напрочь. В кузню, эта-а, надоть.

– Ну так, эта, и шёл бы в кузню, чем раздраженье на меня наводит и по двору без дела шастать.

– Ну, щас и пойду. Делов-то, – чему-то обрадовался и засмеялся работник, введя в глубокую задумчивость старосту.

Аким с Васяткой сидели в саду, за тем самым столом, где их угощали таким вкусным молоком со свежим мягким хлебом и разглядывали книгу.

Причём Аким так внимательно листал страницы, словно первый раз в жизни видел этот не новый уже томик в мягкой обложке.

– Стихи и поэмы Некрасова, – произнёс он, любовно погладив страницы, и протянул книгу новому другу. – Сколько тебе лет, – поинтересовался он, подпустив басистые нотки в голос.

– Пятнадцать, – ответил Василий, с интересом читая складные такие строки.

– Мне тоже, – оглянулся Аким на шорох травы.

К ним шёл пухлый, тёмно-рыжий перенёк, с аппетитом и, не морщась, уминавший зелёные и мелкие ещё яблоки.

– Мой младший брательник, Сёмка, – представил подошедшего Василий.

– Пожевать чего у вас нема? – даже не глянув на книгу, произнёс тот и тяжело отдуваясь, потопал к дому, по пути завернув на плантацию клубники.

– На два года младше, а весит больше, чем я, – то ли похвалил, то ли осудил обжору старший брат.

– Меня младший тоже ростом догоняет, такая молодёжь пошла, – по-взрослому солидно повздыхали друзья.

– За книжку спасибо, – пожал руку новому другу Василий, – айда на сход стоняем, сейчас тятка туда пойдёт. Послушаем, что да как в Рубановке, а Помидорчик у нас побудет пока, авось братец его не слопает, – засмеялся новый товарищ.

Наступило то время, когда со скошенных полей гнали коров, и на улице раздавалось мычание и щёлканье кнута.

Умаявшиеся за день мужики мирно сидели на брёвнах под ракетами на гнилой завалинке крайней избы, возле выгона. Вспыхивали огоньки самокруток и текла неторопливая речь. По дороге, скрипя колёсами, ехали запоздавшие возы со скошенной рожью.

В тёплом воздухе стоял душистый запах цветущей зелени и парного молока.

Старосте, для ради уважения, Гришка-косой, хозяин покосившейся крайней избы с прелой соломенной крышей, вынес расшатанный табурет с плохо пригнанными досками сиденья, и Ермолай Матвеевич старался не раскачиваться, дабы не защемить в щелях драгоценное своё мягкое место.

– Второй раз уже вас, аспидов ленивых, собираю, бурчал староста начальскую речь, а воз, в колесо его..., и ныне там...

Серьёзную обличительную речь он пока не начинал, поджидая задержавшихся на дальнем выгоне мужиков.

– Ды-ы-к, жатва началась, какой мосток чичас, – на правах хозяина табурета и по-совместительству, самого умного, как он считал, мужика, вякнул Гришка-косой, повернув бельмо-ватый глаз в сторону своей завалинки.

Но его никто не поддержал.

«Заработался, чалдон, – хмыкнул Ермолай Матвеевич, – табурета починить не моёт, того и гляди чего-нито отщемишь», – старался сидеть ровно и зря не расшатывать мебель, наблюдая, как его работник суёт в нос кузнецу – обросшему чёрной бородицей здоровенному мужичине, ржавую петлю.

– Ну чего ты эту ржавую страмотень мне в морду тычешь, – повернулся боком на бревне кузнец, запахивая пиджак на голом животе, – шас так тыкну, до утра не просморкаисси, – зло разглядывал ржавую железяку. – Ты сначала стаканом с первачом мне в харю ткни, – прикидывал объём непосильной работы, – а после требуй, – с некоторой опаской покосился на малорослого старосту.

«Кажись, отнекивается, чёрт горелый», – повернулся в его сторону и взвыл, прищемив ягодицу Ермолай Матвеевич.

– Да сделаю, сделаю, – взял петлю кузнец, и сунул за голенище короткого, прожженного сапога, обтерев потом руку о мятые дырявые штаны, – чего орать-то... Во привычка у народа, чуть что – сразу в крик, – беззлобно ворчал он, поглядывая на старосту.

– А погоды ноне ласковые, – затронул важную тему сидевший с краю бревна Семён Михайлович, по прозвищу Хован – аккуратный, хозяйственный мужик, одетый в чистую рубаху и новые сапоги, чем вызывал зависть односельчан.

– Да-а, – единодушно поддержали его, дружно выдохнув едкий дым самосада.

– Самая ядрёная страдная пора! – развил общую мысль косоглазый умник, переступая с ноги на ногу, потому что замёрзли босые ноги, и радуясь, что все согласно кивают головами. Хотел улыбнуться, но передумал, узрев единственным своим, но зорким оком, обиженное лицо выглядывающей из калитки супружницы.

«Вечно всем недовольна, халда стоеросовая, и чего высунула штемпель свой почтовый», – независимо отвернулся в сторону леса, чтоб не испортить настроение от вида жёлтого, долгоносого лица и тощей фигуры любимой.

В этот самый момент вся честная компания отвлеклась на двух баб – пожилую и молодую, целеустремлённо гоняющихся за коровой.

«Во, беспокойная скотина, – привстав, повернулся в сторону намечающегося развлечения и снова благополучно усевшись на зловерный табурет, стал размышлять староста, – вместо того, чтоб послушно идти в хлев, как подобает сытому, благоразумному, воспитанному животному, выкобенивается почище кузнеца, стерва брыкливая», – с удовольствием, как и весь сход, наблюдал за улепёгивающей в другую сторону от дома рогатой бузотёркой.

Наглая бурёнка на бегу исхитрилась сорвать сочную траву у плетня и, радостно замычав, понеслась вдоль улицы, веселя детей и собак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.